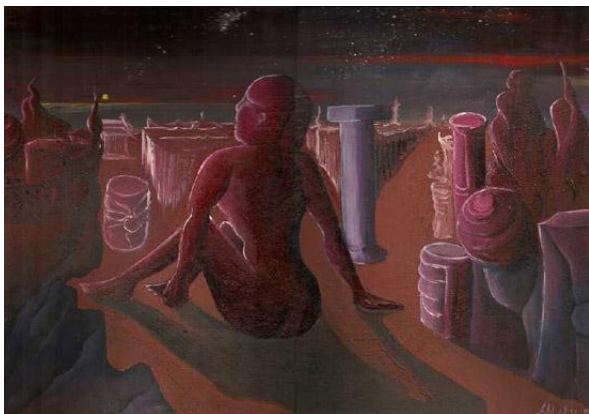

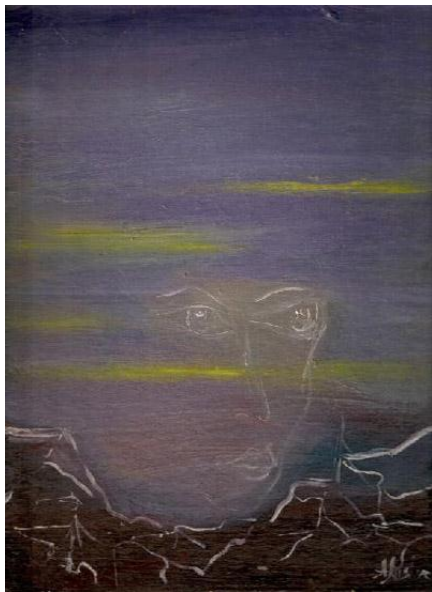
Алекс А. Алмистов Атлантида Сумрачного Солнца Мир Грапы¹

¹ «Грапа» — (жаргон.) — так традиционно называют в Мексике «разовую» дозу в 1 грамм кокаина. Способ (традиция) использования коки в качестве торгового эквивалента существовал ещё у древних инков. При этом, главными потребителями коки были правитель сапай-инка и его окружение, а также храмы и святилища, в связи с чем основная масса населения коку не употребляла.

Пролог

Второе пришествие Мессии

— Молитесь, братья мои, молитесь! И наш спаситель непременно снизойдет с Небес! — в очередной раз прогнусавил «Святейший владыко» Дэ-Куруаефф и с горящими от религиозного иступления глазами протянул свои короткие, толстые пальцы к импровизированному алтарю.

В туже секунду сотни губ самозабвенно зашептали ему в ответ мало кому из собравшихся понятный речитатив на одном из «мертвых» языков

Земли:

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки! Аминь!..

— Аминь, братья и сестры! — удовлетворенно подытожил первосвященник-патриарх новохристианской Ортодоксально-правoverной автокефальной Церкви Вселенной, прежде чем вальяжно-самодовольно — наотмашь от бочкообразного, «пивного» пуза до лоснящегося от жирного пота и вызывающе покатога лба — осенить себя крестным знамением.

— Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполни небо и земля славы Твоя: осанна в вышних. Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних! — тоже усердно крестясь и выбивая поклоны, дружным хором и покорно-безропотно, вторила ему благодарно-бездумная паства. Последняя состояла из нескольких сотен оборванных и, судя по всему, месяцами не мывшихся и, уж точно, никогда в жизни не стригшихся жителей небольшого флоридского городишки Тайтусвилла.

В ответ на это «Его Святейшество» Дэ-Куруаефф уже было открыл рот, что бы с нескрываемым высокомерием и непреклонностью закончить свою и без того затянувшуюся воскресную проповедь-литургию, как...

Как вдруг в толпе, с неподдельным подобострастием и покорностью взиравшей на Вселенского «пастыря», вспыхнул ослепительно белый шар. Небрежно раскидав в разные стороны молящихся, он произвел на всех окружающих столь неизгладимое впечатление, что среди жалких и угрожающе покосившихся развалин некогда величественной христианской обители воцарилась мертвая, но вместе с тем тревожная, тишина.

Между тем, загадочный посланец небес, так некстати обрушившийся на голову верующих и ввергнувший их в пучину искреннего ужаса и парализующего оцепенения, нежданно-негаданно развалился на две части. Одна из них продолжала сверкать белизной и лучезарным сиянием. Другая же, напротив, приобрела чуть заметный, неоновый-фиолетовый оттенок и заискрилась электромагнитными сполохами и голубым ореолом электрических разрядов.

— Братья мои, чудо — свершилось! Так воздадим же Хвалу Господу нашему Иисусу Христу за то, что мы, грешники, стали его свидетелями! — если бы

«Высокопреосвященнейшего Владыку» Дэ-Куруаеффа впоследствии спросили про то, как он решился на сей дерзкий и самоотверженный поступок, пожалуй, он впервые в жизни не знал бы, что на это ответить. Более того, ему пришлось бы судорожно напрячь всю свою фантазию, дабы произнести нечто большее, чем банально-восторженное прославление «воли божьей» и «снизошедшей на него, истого христианина, благодати».

Что же касается других свидетелей Чуда, значительно менее искушенных в хитросплетениях теологии, чем их «батюшка», то всё, что происходило на их глазах, явно не пошло на пользу их красноречию и скорее способствовало укреплению веры, но, отнюдь, не ее рациональному толкованию.

Однако, на появлении загадочных шаров светопредставление не закончилось.

Самое интересное и шокирующее публику зрелище было еще впереди!

Потому что один из шаров, тот самый, чья «небесная» чистота и сияние были вне всякой конкуренции, вдруг ослепительно вспыхнул и самым невероятном образом исторг из своих недр серебристо-сиреневую фигуру... ГОСПОДА БОГА Иисуса Христа?!

На вид это было поистине бестелесное

существо, состоящее из одного лишь сияния и тусклого мерцания звезд.

Однако, несмотря на все библейские догмы и заповеди, незнакомец не имел ничего общего с иконным стереотипом Иисуса Христа.

Он был чрезвычайно высок ростом. Имел правильные, если не сказать, безукоризненные, черты лица. Обладал гладко выбритым, скорее даже, идеально отполированным черепом. Вдобавок, и что самое невероятное, глаза небесного гостя вызывающе сверкали адским, выворачивающим все сущее наизнанку, огнем.

Уже в следующую после начала светопреставления секунду, всеобщий возглас искреннего изумления и страха гулко отозвался под дырявыми, поросшими мхом и местами облепленными птичьими гнездами, сводами купола то ли бывшего храма, то ли часовни-«переростка».

Таинственное божество, в свою очередь, это совсем не смутило. Скорее даже прибавило ему уверенности в себе и побудило решительно двинуться по направлению к бедняге Дэ-Куруаеффу и его обомлевшей от неожиданности пастве.

В тоже время, пока взоры всех собравшихся были прикованы к медленно плывущей над молитвенными скамейками фигуре БОГА, второй из незваных гостей, скромный и ненавязчивый неоново-фиолетовый шарик, тоже поспешил

материализоваться в широкоплечую человеческую фигуру. Так и оставшись для всех незамеченным, он торопливо затерялся к толпе.

В отличие от своего «божественного» спутника пришелец номер два ничем не отличался от самого обычного человека. За исключением, разве что, одной, весьма незначительной, мелочи — своей одежды! Точнее — ее полным отсутствием...

Однако, во всеобщей суматохе и оцепенении, его вызывающей наготы никто из прихожан так и не заметил. Тем более, что незнакомец, подобно юркому и ловкому гаду, поспешил выскользнуть вон из развалин христианского храма.

Оказавшись на улице, он, как и подобает простому смертному, брезгливо поежился от холода, в задумчивости теребя пальцами свою роскошную черную бороду и пристально вглядываясь в окружающий его пейзаж и заваленные всевозможным мусором и органическими отходами руины некогда пышных дворцов и строений.

Ему понадобилось чуть больше минуты на то, что бы сориентироваться в окружающей действительности и принять единственно возможное в сложившихся обстоятельствах решение — любой ценой заполучить то, что ему в данный момент больше всего не хватало. То есть, одежду!

Что, не особо вдаваясь в философские концепции гуманизма и справедливости, он и не преминул сделать.

Резким и неуловимым для глаз взмахом руки отправив в нокаут первого же из попавшихся ему на глаза аборигенов, незнакомец поспешил содрать с бездыханного тела грязные лохмотья. Не особо страдая от угрызений совести, он сразу же натянул их на свое мускулистое, как бы выточенное из цельного куска сиренево-розового мрамора, тело.

Еще через минуту, давясь и кашляя от исходившего от лохмотьев смрадного запаха и откровенной вони, пришелец уже ничем не отличался от коренных жителей Тайтусвилла... Кроме, разве что, слишком уж спортивной фигуры и гордой, царственной осанки.

Вполне удовлетворенный происшедшими с ним переменами и, еще раз, на прощание, пристукнув так опрометчиво и самонадеянно начавшего приходить в себя хозяина лохмотьев, «гость с небес» уверенно вернулся внутрь храма и с чувством безукоризненно выполненного долга присоединился к толпе.

Между тем, за время его отсутствия в храме ровным счетом ничего не изменилось.

Бедняга Дэ-Куруаефф, отчаянно потя и бормоча себе под нос спасительное «Отче наш!», бил бесконечные поклоны лучезарному Богу. Его

окончательно утратившая чувство реальности паства либо самоуверенно следовала его примеру, либо, уткнувшись лбами в грязный и лоснящийся от жира пол, пребывала в полной прострации и томительном ожидании развязки. В нависшей тишине изредка голосили неразумные дети, коих тщетно пытались успокоить и призвать к порядку их набожные мамы и бабушки. Время от времени подвали голос — в форме заунывного воя и последующего лихорадочного гавканья — немногочисленные бродячие псы, полукругом обступившие полуразвалившееся и почерневшее от времени крыльцо храма.

Само же Божество с нескрываемым любопытством разглядывало людей, застывших в нелепых позах у него под ногами, время от времени пристально вглядываясь в их лица и тем самым приводя их хозяев в еще большее оцепенение и смертный ужас.

Наконец, выхватив взглядом из толпы фигуру своего не менее загадочного, хотя уже и внешне мало чем отличавшегося от окружающих спутника, БОГ устремился вслед за ним к свету и выходу из Храма.

Вот так, вдвоем, в полной тишине и безмолвии, они и покинули последнюю цитадель постхристианской религии на Земле.

Придя ниоткуда и сразу же уйдя в никуда...

Часть Первая Варвары с Небес

Глава первая Триумф Силы Воли над Властью

Первые часы и минуты пребывания атлантов на ныне чужой, а некогда для них родной, планете выдались на редкость знойными и тревожными.

— Кто были эти люди, учитель? — вполголоса и без особой надежды на ответ поинтересовался у своего «обожествленного» спутника Царь-Диктатор Священной Атлантиды Евэмон. — Тиррены? Эллины? Пеласги? Или, быть может... Далекие потомки нашего народа?

— Ни те, ни другие, и не третьи! — не сразу, в задумчивости произнес ему в ответ Звездный

Призрак, окончательно растворяясь в солнечном свете и предутренной дымке тумана. — Если честно, то я, так же как и вы, мой юный друг, мало что понимаю в сути всего здесь, на Земле, в настоящий момент происходящего?

— Но у меня сложилось впечатление, что эти люди... — предположил было Нерей, но под иронично-насмешливым взглядом собеседника так и не закончил свою мысль до конца.

— Не торопись называть их людьми, достопочтенный Царь! — бесцеремонно перебил его «Звездный» собеседник. — Мы пока еще о них ровным счетом ничего не знаем? Кто они? Откуда? Почему оказали нам столь странный прием?!

— Но, все же, они, эти странные и оборванные люди — нам друзья или враги? — не унимался Нерей.

— Пока не знаю! — холодно процедил сквозь зубы Призрак, на какие-то доли мгновения теряя свою невидимость и четкую ориентацию тела в пространстве. — Не будем торопиться с выводами, Царь-Диктатор! Дождемся хотя бы того, когда твои верные воины вновь окажутся с нами...

— Пожалуй, вы правы, Учитель! — «заразившись» от своего собеседника глубокой задумчивостью согласился с ним Нерей, не сразу обратив свое внимание на то, что говорит уже в пустоту.

И хотя, он уже давно успел привыкнуть к непредсказуемости поведения своего могущественного покровителя, как то — его стремительным и ничем не объяснимым исчезновениям и появлениям вновь, Нерую, оставшемуся один на один с враждебным ему миром, все же стало как-то не по себе.

Его окружали странные и непривычные для мироощущения благородного сына Атлантиды пейзажи, звуки, запахи и, главное, априори непредсказуемые инопланетные существа.

Приторно синее небо. Грязно-серые, местами ослепительно сверкавшие в лучах Золотого солнца постройки аборигенов. Чуть было не сбившая его с ног самодвижущаяся колесница, громко и мерзко урчавшая всеми своими внутренностями и оставлявшая тучи серо-бурого дыма на своем пути.

И, наконец, сами хозяева всего этого явно неблагополучного мира. Чумазые, облаченные в лохмотья из серебристой и полупрозрачной ткани, с безумными и воспаленными от постоянного недосыпания глазами, они были больше похожи на огромных, волосатых обезьян, чем на представителей человеческого рода.

А еще Царя-Диктатора Атлантиды приводил в смятение и ужас запах, точнее тошнотворная, выворачивающая душу наизнанку вонь всего этого мира.

Нерей, привыкший к чистому и ароматному воздуху своей Родины, был явно не готов к подобному испытанию своего обоняния и на полном серьезе задышался.

Однако, очень скоро он понял, что он не единственный представитель человеческого рода, оказавшийся недовольным окружающей его действительностью.

Один из попавшихся ему на пути аборигенов, показался ему совсем непохожим на всех тех, с кем Нерей уже успел познакомиться ранее.

Незнакомец выглядел более и менее цивилизовано, был облачен в опрятный и ухоженного вида костюм из серого то ли металла, то ли блестящей ткани.

Точно и так же, как и Царь-Диктатор Атлантиды, он брезгливо зажимал нос и отворачивался в сторону при встрече и даже недолгом общении с «облезлыми обезьянами», как не преминул окрестить остальных жителей Ойкумены сам Нерей.

Кроме того, незнакомец имел при себе «нечто», очень похожее на короткий, с двумя ответвлениями, древесный «сучок-рогатку» из черного материала. Этот самый «сучок-рогатку», без всякого сомнения, представлявший собой оружие, он без всякого стеснения пускал в дело, периодически отгоняя от себя как назойливых

оборванцев-попрошак, так и лохматых, больше похожих на внебрачных детишек Эмпусы ², чем на обычных животных, чудовищ. При этом чудо-оружие незнакомца с диким грохотом и свистом исторгало из своих недр голубовато-сиреневые молнии, чьи ослепительно сверкавшие языки не просто жалили свою очередную жертву, но отбрасывали ее на добрых два-три метра от «повелителя» керавноболии ³.

Что же касается самого перунометателя ⁴, то,

² Эмпуса (миф.) — спутница Гекаты, одна из самых ужасных обитательниц (ночных привидений) царства Аида. Заманивая в ночной тьме людей в уединенное место, оно выпивает всю кровь и пожирает их еще трепещущее тело. Изображалась женщиной с ослиными ногами. Керы — см. выше.

³ Керавноболия (греч. Κεραυνοβολία, от κεραυνος — «гром» и boleō — «кидать, метать») — громовой удар, сверкание молнии. Картину «Керавноболия» написал Апеллес.

⁴ Перун или Молния Зевса (устар. Зевесов перун) — главное оружие и основной атрибут верховного бога-громовержца древнегреческой мифологии. Одно из прозваний Зевса — Кераunos («Громовой») — свидетельствует о его способности создавать молнии. Другой эпитет Зевса — Катайбат (греч. Катайбатыс — «Тот, кто спускается») — означает гром, который древние греки представляли в виде каменного топора либо просто камня («гром-камень»). У

сохраняя на своем лице печать равнодушия и невозмутимости, он как ни в чем не бывало продолжал свой путь по захламленным мусором улицам небольшого городишки, методично переходя от одной из городских лачуг к другой. С надменным и нетерпящим никаких возражений видом незнакомец вызывал обитателей лачуг на улицу и, для начала, перебрасывался с ними парой-другой резких и односложных фраз, смысл которых был абсолютно непонятен Нерее. И это даже несмотря на все телепатические способности Царя-Диктатора Атлантиды и образное восприятие им любой, в том числе и на незнакомом для него языке, человеческой речи.

Но больше всего Нерея озадачило даже не это его, поистине невероятное, «бессилие» разобраться в сути происходящего, но...

Но то, что по окончанию столь загадочных и скоропалительных переговоров незнакомец самодовольно улыбался и, воровато оглядываясь по

римлян соответствующий греческому Зевсу бог-громовержец Юпитер имел прозвание «Фульгуратор» (лат. fulgurator — «мечущий молнии»). Молнии Зевсу выковали киклопы, в благодарность за то, что он вывел их из Тартара, заодно со своими братьями Аидом и Посейдоном. Имена первых трех циклопов: Бронт — «гром», Стерон — «молния» и Арг — «перун». Зевс метал молнии в титанов

сторонам, вручал своему очередному собеседнику маленький, полупрозрачный пакетик с белесым порошком. После его как бы взамен же он сразу получал от грязных оборванцев либо бесформенные кусочки золота и серебра, либо какую-либо безделушку, которую обе стороны называли не иначе как «электроника». Ну а если же «клиент», как периодически называл своих собеседников незнакомец, вдруг начинал с ним о чем-то спорить или, наоборот, о чем-то его умялять, обладатель драгоценных «пакетиков» тут же приходил в бешенство, немедленно пуская в дело «перун». А то и просто давая волю своим кулакам и, судя по его мимике и жестам, сквернословью.

Так продолжалось до тех пор, пока незнакомец, наконец, не поравнялся с застывшим в растерянности Нереем и не принялся с нескрываемым любопытством его разглядывать. Царь-Диктатор не преминул последовать его примеру, чисто по привычке придавая всему своему виду величие и гордое презрение к представителю низшего, по его мнению, сословия.

Так они и стояли, друг напротив друга, в течение нескольких минут, сохраняя почтительную дистанцию и гробовое молчание.

Наконец, незнакомец не выдержал и первым обратился к Диктатору-Царю.

— Кто ты такой, неудавшийся сын собаки? И

что ты делаешь на моей территории? Да ещё и без моего разрешения? Если ты чужеземец и ищешь «счастье»⁵, то я могу поделиться с тобой одним его глотком! Только знай, что после этого тебе придется стать моим безропотным рабом! — именно так прозвучала мыслеформа его слов в сознании Диктатора-Царя.

Если первая часть брошенной ему в лицо незнакомцем фразы и не была воспринята Нереем как откровенное оскорбление, так как собаки считались в Атлантиде Сумрачного Солнца священными и почитаемыми животными... То вторая ее часть, касающаяся предложения Нереею стать рабом незнакомца, не могла не вывести из себя благородного атланта.

Царь-Диктатор побледнел от неожиданно нахлынувшего на него приступа ярости, степенно приблизился к незнакомцу и обрушил на его угловатую челюсть всю сокрушительную мощь своего кулака.

Тот, совсем не ожидая подобной стремительности и вероломства со стороны оборванца, только и успел приглушенно вскрикнуть и беспомощно рухнул на землю.

⁵ «Счастье» — в контексте романа — кокаин. — Прим. авт.

Но уже через минуту, с трудом придя в себя после падения, незнакомец, не задумываясь, направил в сторону Диктатора-Царя свой «перун» и хладнокровно привел его в действие.

Само собой, Нерей не имел ни малейшего представления о том, что такое электричество и как оно действует на человеческий организм. Поэтому, когда миллиарды иголочек-невидимок кровожадно впились в каждую из клеток его тела, а сердце Диктатора-Царя судорожно вздрогнуло и сбилось с ритма, Нерей вначале пришел в ужас, цепenea от невыносимой боли и собственного бессилия. Но уже через мгновение, собрав в единый кулак всю свою волю и самообладание, с удвоенной яростью и энергией бросился на своего противника.

Между ними завязалась отчаянная и лишенная каких бы то ни было правил схватка.

Несмотря на то, что незнакомец был значительно массивнее и физически сильнее Диктатора-Царя, ему явно не хватала борцовского опыта и ловкости атлантского воина.

И как следствие — Нерей очень быстро подмял его неповоротливую тушу под себя, прежде чем одним лишь движением своего правого плеча свернуть ему шею.

В итоге, все в этом мире Ойкумены было для незнакомца кончено. А Царь-Диктатор, устало поднимаясь на ноги и разминая затекшие от

напряжения мышцы, праздновал свою очередную и заслуженную победу над противником.

Немного погодя и руководствуясь исключительно нормами действующих в Атлантиде обычаев и правил, Царь-Диктатор совершенно беззастенчиво воспользовался честно завоеванным трофеем-одеждой побежденного врага и не замедлил вооружиться его смертоносным «перуном».

Однако, он не учел одной маленькой, но весьма существенной детали, имевшей самое непосредственное отношение к их скоротечному бою.

Все дело было в маленькой, неприглядной на вид коробочке из черного материала, которую Царь-Диктатор далеко не сразу обнаружил в числе своих других, помимо одежды, боевых трофеев.

И очень даже зря!

Потому что в недрах этой самой коробочки, представлявшей из себя на самом деле портативное связное и контрольно-наблюдательное устройство, весь их бой с незнакомцем уже давно был тщательно и скрупулезно зафиксирован. После чего чуткий и исполнительный прибор немедленно передал получившееся видеоизображения и сигнал тревоги тем, кто все это время следил за каждым шагом разносчика «счастья».

Одним словом, стоило только Нереею отойти

от распростертого на земле тела незнакомца всего на полшага, как на него со всех сторон набросились мрачные и безмолвные личности. Своей серо-блестящей одеждой и жалящими «перунами» они были подозрительно похожи на того ойкуменца, с кем Царь-Диктатор только что имел дело и которого победил в честной схватке.

Нерей попытался было оказать нападавшим достойное сопротивление, но их было слишком много. К тому же силы Диктатора-Царя и так уже были на исходе...

Но все же, он даже и не думал сдаваться...

Он сражался до последнего! До того самого момента, пока не потерял сознание от боли и уже знакомых ему на практике парализующих укусов «перунов» нападавших.

* * *

— А он не так уж и плохо выглядит, этот твой взбесившийся оборванец, Рой?! — Рикки Карлос, один из самых влиятельных наркобаронов Севера, уже битый час слушал доклад своего «Впередсмотрящего» на мысе Канаверал Роя Биенвенидо ⁶, и с нескрываемым любопытством

⁶ «Биенвенидо (исп. *Bienvenido*) — Добро пожаловать.

разглядывал то доставленного к нему пленника, то загодя и предусмотрительно отобранный у него «перун». — Все же хорошие штуки — эти наши новые, полученные от Азиатских Драконов, «электрошокеры». Удобные, компактные, не слишком часто требуют подзарядки на солнце или замены гелиевых аккумуляторов. Да и режимы работы этих ПЭП 7-2055: «тупо валить», «надолго оглушать» или «навсегда отправлять к праотцам» — очень даже мудро и толково были выбраны и неплохо настроены их изобретателем. Вот бы нам ещё и такую же пушечку... Ну, мощностью этак раз в десять-пятнадцать поболее, чем у этих «пукалок»...

— Ладно, разберемся, — в последний раз подбросив на своей пухлой ладони «перун» и небрежно сунув его за пазуху, полностью сосредоточил всё своё внимание на необычном пленнике Рикки Карлос.

Тот выглядел слишком уж холеным и упитанным для того, чтобы принадлежать к племени варваров. И, в тоже время, достаточно независимым и самолюбивым для того, чтобы быть услужливым и исполнительным эмиссаром одного

7 ПЭП — сокращенно от «портативный электро-парализатор». — Прим. авт.

из наркобаронов Североамериканского континента.

И, вместе с тем, было в пленнике что-то такое, что сразу же насторожило Рикки Карлоса и дало волю его природной мнительности и подсознательному недоверию ко всему, что не было в его безраздельной власти.

И все потому, что пленник был совсем не похож ни на одного тех людей, с которыми Рикки когда-либо ранее в жизни приходилось встречаться.

Черты лица пленника были вызывающе благородны, если не сказать большего — аристократичны и даже изысканны. Его идеально сложенная, вызывающе поигрывающая прекрасной мускулатурой и дикой, почти животной, силой и грацией, фигура делала его похожим на легендарного Тарзана, о котором Рикки слышал от своих родителей еще в детстве. И, наконец, кожа «варвара» имела пепельно-сиреневый оттенок, несвойственный ни для одного из известных Рикки народов Земли. Равно как и его волосы таинственно и чарующе серебрились на свету. Как если бы они состояли из благородного металла с примесями горного кварца, а не из банальной белковой проформы.

Одним словом, доставленный в апартаменты Карлоса с мыса Канаверал пленник был кем угодно, но только не тем разбушевавшимся дикарем, за которого его вначале приняли люди наркобарона.

А значит...

— По-моему, нашему гостю есть, что нам такого поведать интересного?! Да и кое-что объяснить по поводу своей собственной персоны, — окончательно собрался с мыслями и глубокомысленно изрек в адрес все еще пребывающего в беспамятстве Нерая Рикки Карлос, не выпуская из губ смрадной дымящейся кубинской сигары и небрежно поправляя на своей голове ковбойскую шляпу.

— Развяжите его и приведите в чувство! — выдержав положенную его высокому рангу в Куполе паузу, приказал он уже своей личной охране.

Четыре здоровенных, облаченных в черную «кожу» мулата, прежде совершенно безучастно и со скучающим видом обзревавшие мир из-за спины своего босса, немедленно пришли в себя и как заведенные бросились выполнять приказание.

Минуты через две, Царь-Диктатор, мокрый и все еще с трудом державшийся на ногах, уже стоял перед чинно восседавшим в старинном кожаном кресле Рикки Карлосом и совершенно невозмутимо взирал своими бледно серыми, практически лишенными радужной оболочки, глазами на кокаинового барона.

— Ну, и кто ты такой, мучачо? — под обжигающим взглядом пленника выдавил из себя

Рикки. — Только коротко и без лирических отступлений!

Несмотря на неприкрытую угрозу в голосе этого чванливого ойкуменца, ни один мускул не дрогнул на лице Нероя.

Царь-Диктатор все также невозмутимо и равнодушно продолжал разглядывать своего явно высокопоставленного собеседника, как будто тот был экспонатом в этнографическом музее или даже бездушным статистом в старомодном театральном шоу. Тем более, что наряд ойкуменца, состоявший из одетой прямо на голое, волосатое тело и увешанной золотыми цепями и всевозможными блестящими побрякушками кожаной куртки-жилетки; опять же кожаных, уродливо расклёшенных ⁸ книзу и обшитых с боков густой и длинной бахромой штанов ⁹ и высоких, с

⁸ *Клэш* — особый покрой брюк с расширением в нижней части. Расширение, широкий раструб внизу (на юбке, брюках, пальто).

⁹ В контексте романа — речь идет о «чапах» (англ. *chaps*) или легинах (англ. *leggings*) — кожаных ноговицах (гетры, гамашы), рабочей одежде ковбоя, которые надеваются поверх обычных штанов, чтобы защитить ноги всадника во время езды по зарослям чапаралья (*chaparral* — заросли карликового дуба и можжевельника), от укусов лошади, от ушибов при падении и т. д. Прототипами чапов ковбоев

остроконечными носками и инкрустированные золотом и драгоценными камнями сапог — больше подходил для уличного балаганного скомороха из неприкасаемой гильдии кудесников ¹⁰, чем для

послужили чапарейхос (исп. charrajos) или чапарерас (исп. charreras) мексиканских вакеро и чаро, а также, в какой-то мере и легины индейцев. Чапы производились массово как рабочая одежда и имели однообразный вид. Все разновидности ковбойских легин держатся на поясе, который застёгивается сзади. Спереди обе части соединены шнуровкой. Chinks в длину на два-четыре дюйма (5- 10 см) ниже колена, часто с очень длинной бахромой внизу и по бокам, что делает их визуально длиннее на 4 дюйма (10 см). Конструкция как и у batwings. Как правило, на бедре имеется только два крепления. В них прохладнее и они более подходят для тёплого климата. Иногда их называют «получапы» (half-chaps, mini-chaps). В оригинальной этимологии были chincaderos или chigaderos и, возможно, первоначально относилось к armitas («доспехи» — передник из двух кусков кожи). Чаще всего их носили ковбои Юго-Запада и тихоокеанских штатов, прежде всего те, кто следуют традиции вакеро (vaquero) или баккару (buscaroo).

¹⁰ Из первой книги цикла — Десять основных гражданских сословий (гильдий) Атлантиды: цари и их прямые наследники, жрецы и гарусники (предсказатели), родовая знать (родственники царей) и воины-копьеносцы (заслужившие свой потомственный социальный статус подвигами своими или предков), архегеты (основатели новых колоний) и софократы (надзиратели за уже существующими колониями), благодетели-снабженцы, зодчие (строители и инженеры) и

добропорядочного и достойного всеобщего уважения вождя племени или просто знатного воина.

— Ты вообще-то говорить-то умеешь? — перефразировал свой вопрос Рикки, так и не дождавшись от своего пленника должной реакции на вежливое с ним обращение. — Или... Совсем тупой и немой?!

Царь-Диктатор высокомерно усмехнулся, но, все же, ответил Рикки на ломанном испанском:

— Я есть гость! Очень, очень издалека... Не из вашего мира!

Конечно, он мог ничего и не говорить. А, просто воспользоваться своими телепатическими, полученными от жрецов Сумрачного Солнца и прилежно усвоенными им в Пирамиде Маха Пралайи, способностями и без особого труда внушить этому надменному ойкуменцу все то, что тому так не терпелось узнать.

Между тем, Нерей, за те недолгие часы, что он провел среди жителей Ойкумены, уже успел обратить свое внимание на то, что сознание аборигенов, коих он теперь считал далекими потомками пеласгов, было априори не способно

кудесники (ученые и артисты), легионеры, моряки, демиурги — ремесленники, геоморы — крестьяне.

правильно интерпретировать многогранные и напрямую передаваемые им мыслеобразы. И предпочитало все и вся вначале облекать в форму лингвистических стереотипов, достаточно примитивных и лишенных абстрактной составляющей. И уже только потом, выхолостив полученную извне информацию до неузнаваемости, пытаться хоть как-то ее проанализировать и использовать с выгодой для себя.

Более того, потомки некогда грозных и коварных завоевателей Атлантиды, теперь, после тысячелетий своей самостоятельной истории, явно уступали в области интеллекта и сообразительности своим достопочтенным предкам.

Но самое странное было в том, что все без исключения ойкуменцы, с которыми Нерей только довелось встретиться, как правило: думали одно, говорили — другое, и, наконец, подразумевали под своими словами — совершенно третье.

Это было так не похоже на безгранично искренних и прямолинейных сынов Атлантиды, привыкших всегда говорить только то, что они на самом деле в данный момент думали!

Нерей еще раз высокомерно усмехнулся в лицо облаченного в скомороший наряд ойкуменского «царька», который все еще никак не мог прийти в себя после оброненной Диктатором-Царем фразы на его, потомка

презренных пеласгов, родном языке. И только после этого невозмутимо добавил — теперь уже, членораздельно и без малейшего намека на акцент и ошибки в произношении:

— Твои люди, мучачо, были со мной непростительно грубы и заносчивы. Я хочу, чтобы их немедленно наказали... И как можно строже!..

Рикки Карлос даже поперхнулся табачным дымом и непроизвольно подскочил на месте от подобной дерзости своего пленника, чья дальнейшая судьба, да и сама жизнь, все еще были в его, Рикки, полной и безграничной власти.

— По-моему, этот твой дикарь и взаправду чокнутый?! Или последний раз переборщил с дозой? — процедил он сквозь зубы Рою Биенвенидо так, чтобы Нерей его обязательно услышал. — Кем это он себя возомнил? Может господом Богом? Да прости меня за богохульство Пресвятая дева Мария... Или самим Сатаной?! Или?...

— Или просто Бодисаттвой и Царем Священной Атлантиды, мучачо! — грубо и бесцеремонно осадил своего допросчика Нерей. — Так что, прошу любить и жаловать, как у вас тут в Ойкумене говорят! В противном случае...

— И что же будет... в противном случае? — ехидно переспросил вконец, по его мнению, обнаглевшего пленного дикаря Рикки, тем самым беря реванш за только что нанесенное ему

наглостью последнего оскорбление.

— Быть войне! — нарочито беспристрастно, да ещё и гробовым, внутриутробным голосом отрезал ему в ответ Царь-Диктатор.

— С тобой, что ли, сосунок? — изумленно проронил наркобарон, несмотря на то, что страх и растерянность медленно, но верно подчиняли себе все его мысли и чаяния. Ведь откуда ему было знать о том, что коленопреклоненный перед ним Царь-Диктатор уже, втайне от всех собравшихся ойкуменцев, перешел от бессмысленно-безобидных «пряников» увещевания к «кнуту» агрессивного гипноза и психо-энергетического подавления воли своего противника.

— Нет, с Армией Непобедимых! — невозмутимо и с расстановкой всех точек над «ё» пояснил суть своей угрозы Нерей.

— С кем, с кем? — в замешательстве начал даже заикаться Рикки. — Ты что... из Империи? Может даже — один из Рыцарей Леопарда?! Или конфедерат? Хотя да, забыл! Ты же мне тут что-то долдонил про царя?! А у конфедератов на уме одна лишь демократия и свобода глупости. Нет, ты точно, должно быть имперский! Как я до этого сразу не додумался...

— Я не понимаю, о какой Империи ты говоришь, Рикки Карлос?! Может об Империи Пеласгов? Но они не были способны найти общий

язык даже друг с другом! Что уж тут говорить про то, что они вдруг смогли создать свою собственную Империю?! Эллины тоже, насколько мне известно, весьма своеобразно относились к пониманию государства и институту царской власти! — попытался было предположить Нерей, приведя тем самым наркобарона в еще большее замешательство.

Рикки Карлос ровным счетом ничего не понимал в том, о чем так глубокомысленно рассуждал его собеседник. Но у него, все же, хватило ума прийти к выводу, что его пленник не так уж прост, каким он себе его вначале представлял.

Между тем, до этого безупречно невозмутимое, чем-то напоминавшее лик ко всему сущему безучастного каменного истукана, лицо Диктатора-Царя чуть заметно побледнело и подернулось предательским блеском испарины.

— Ты что-то говорил про... Про людей Леопарда, ойкуменец?! — с трудом скрывая легкое замешательство в голосе, настороженно переспросил он. — Они... Они все еще существуют?!

— Существуют? — вызывающе громко и с нескрываемой ненавистью в голосе расхохотался ему прямо в лицо наркобарон. — Это слишком мягко сказано, чужеземец! Они, эти самовлюбленные «медвежатники», возомнившие

себя спасителями всего человечества, не просто существуют! Они пытаются и, надо отдать им должное, весьма успешно покорить своей воле всех и вся, кто только попадает на пути! Как будто Солнце светит только им одним! А все остальные жители этой планеты — не более чем надоедливые муравьи у них под ногами! Мы все для них — мерзкая, назойливая и потому требующая немедленного удаления плесень на брэнном теле Земли! Скажешь тоже, СУЩЕСТВУЮТ! Ну, ты и пошутил! Ха-ха-ха!

— Значит, все-таки Тиррены! — не сдержался и в сердцах проронил Нерей, прежде чем глаза его засверкали от ненависти и жажды немедленной мести. — Боги и время их пощадили! Или, просто предоставили незначительную отсрочку в исполнении вынесенного им атлантами приговора?!

— Насколько я понял из твоих слов, Рикки Карлос, люди Леопарда — и твои враги тоже? Это так? — не давая своему собеседнику опомниться, продолжил свой импровизированный допрос Царь-Диктатор.

— Не называй их людьми, чужеземец! Они все выродки и безбожники! Злые и голодные псы, сорвавшиеся с полицейской цепи и алчно жаждущие крови! Они мне не просто враги! Они для меня и всех нормальных людей Земли — хуже демонов и других вероломных исчадий ада!

Потому, что не верят в Единого и Всемогущего Бога! Потому, что не признают здравого смысла и «честного» бизнеса! Потому, что до полного иступления и дикого фанатизма преданы своему ублюдку императору и не способны воспринимать действительность именно такой, каковой она является испокон веков! — буквально взорвался от переполнявшей его праведной злости и религиозно-фанатичного негодования Рикки Карлос.

На то Царь-Диктатор лишь многозначительно усмехнулся...

Из всего этого напыщенного и слишком уж откровенного монолога Рикки Карлоса он вдруг понял, что ему нет больше нужды использовать свои гипнотические способности для подавления воли расфуфыренного, как павлин, «царька» ойкуменцев с целью привлечения его на свою сторону. Особенно, если учесть тот факт, что мозг противника Диктатора-Царя был примитивен до безобразия, а первобытные инстинкты и «животные» чаяния ойкуменца составляли первооснову его незамысловатого самосознания и чисто по-детски раздутого аж до небес культа собственной личности.

В результате, сорванное ураганом Ненависти и ущемленного Самолюбия яблоко Раздора само падало ему в руки. Нереею оставалось только

пошире распахнуть ладони и не дать этому яблоку сгнить на лету.

Что он, разумеется, и не преминул сделать.

— Значит, — заговорщицким, но уверенно-менторским тоном, произнес он в адрес Рикки, — у нас с тобой, вождь, одни и те же враги?! Тогда, что же может нам помешать объединить наши усилия в борьбе против них? А?...

— Размер моей доли в трофеях, чужеземец! — неожиданно спохватился и поспешил замолвить слово о «самом» для него главном в жизни Рикки.

— И еще, — добавил он после многозначительной паузы, — меня беспокоишь ты сам! Точнее, твое умение драться! Я об этом — ни сном, ни духом! Точно так же, как я особо не склонен вот так сразу взять и поверить твоим словам про то, что у тебя есть целая Армия! Что ты на это скажешь, чужеземец? А?...

— Ну, если проблема только в этом... — Нерей, подобно сказочному джинну-воителю, стремительно сорвался с места, выхватил из рук ближайшего к нему ойкуменца-охранника его «перун» и резким, неуловимым для человеческого взгляда и защитной реакции, взмахом руки всадил этот самый «сучок-рогатку» ему же в глотку, не забыв при этом привести его в действие.

Несчастный ойкуменец, совершенно не ожидавший подобной прыти от вроде бы

безобидного на первый взгляд бродяги, отчаянно захрипел, захлебываясь собственной кровью, и обречено рухнул к ногам Диктатора-Царя.

Тот, в свою очередь, даже и не думал останавливаться на достигнутом, но... Но вырвав из горла своего поверженного противника «перун» и проявляя чудеса акробатики, точно таким же способом, вероломно и без тени смущения на лице, уже в следующее мимолетное мгновение расправился с его двумя оставшимися товарищами.

Закончив таким образом беспримерно жестокую и скоротечную расправу с охранниками наркобарона, Царь-Диктатор вновь повернулся лицом к Рикки и, безгловитно стирая своими лохмотьями кровь с ладоней, легко и непринужденно прокомментировал всё случившееся:

— Ну, как тебе мои верительные грамоты, вождь? Желаете продолжения? Или, я все же тебя убедил в том, что убивать я умею? Причем, голыми руками...

— Убедил! — мертвенно бледнея и с головы до ног покрываясь липким потом, выдавил из себя Рикки. И, на всякий пожарный случай, начал пятиться спиной к выходу из комнаты, которую он до самого последнего момента наивно считал своим самым надежным и неприступным убежищем.

— Ты собираешься меня покинуть, вождь?

Так скоро? Мы же еще не успели закончить нашу беседу! — достаточно недвусмысленно упредил «постыдное» бегство Рикки Карлоса Нерей, надменно скрещивая на груди руки и пристально заглядывая в глаза наркобарону. — Я только-только собирался ответить на все твои оставшиеся вопросы... Ну там по поводу твоей доли в общей добыче... По поводу моей армии... И так далее... Неужели ты так и оставишь все эти вопросы на будущее?! Ведь я только начал с тобой знакомиться, вождь! И ты сразу же хочешь меня обидеть? А как насчет правил хорошего тона и банальной проксении ¹¹? У вас, в Ойкумене, про

¹¹ Проксения (греч.) — обычай гостеприимства. Греческая проксения — наиболее типичный образец этой формы гостеприимства. Она представляет собою компромисс между началом государственной и национальной исключительности, обусловленной взглядами на иностранцев, как на врагов, и необходимостью оказывать им государственную защиту, ввиду развития международного оборота. Не назначая специальных государственных чиновников, вроде наших консулов, греческие государства допускали существование частных попечителей об иностранцах — проксенов, обыкновенно наиболее влиятельных граждан, которые брали на себя заботы о приюте и юридическом представительстве — как отдельных лиц, так и целых общин. Последние заключали обыкновенно со своими проксенами формальные договоры, пользовавшиеся полным признанием государства, и платили проксенам рядом

этот древний, как сам мир, обычай все уже давно позабыли, да?

— Нет, почему же, — само собой, не имея ни малейшего представления о том, что такое «проксения», начал было оправдываться Рикки, чья душа и гонор уже давно обитали в пятках хозяина. — Я с удовольствием готов продолжить нашу с тобой беседу... Царь!

Ойкуменец впервые за все время их знакомства назвал Нерея Царем!

Этого было более чем достаточно для того, чтобы атлант самодовольно улыбнулся и, наконец, позволил себе снова стать самим собой — грозным и непреклонным Диктатором Армии Непобедимых и одним из десяти могущественных Правителей Священной Атлантиды...

Одним словом, безраздельным хозяином положения, а не его робким и застенчивым участником или даже безропотной жертвой.

— Тебе хватит, ну скажем, половины тех

привилегий в своей общине. Институт проксении быстро развился благодаря многочисленности поводов для сношений с иностранцами (торговля, религиозные празднества, посещение оракулов и т. д.). Проксены служили посредниками в торговле, банкирами и т. д., но не имели положения государственных чиновников: в этом состоит их отличие от наших консулов.

боевых трофеев, что мы неминуемо получим, разгромив армию Тирренских прощелыг¹² и недоносков? Или, ты хочешь получить больше? — не давая собеседнику опомниться, между тем продолжил свой безжалостный натиск на его волю и самолюбие Нерей.

— Я заранее согласен на все, что ты мне предложишь, Царь! — подавленно пролепетал ему в ответ тот — ещё полчаса назад грозный и бесцеремонный, а ныне абсолютно ручной и покладистый, «вождишка» Ойкумены.

¹² *Прощелыга* (стар. — слав.; прост. презр.) — человек, который любит пожить за чужой счет, пройдоха, плут, мошенник. Слово *Прощелыга* в словаре Даля: об. прощелыжник, — ница (от щелок), пролаз, пройда, пройдоха, проныра, выжсга, продувной плут. *Прощелыжить*, — жничать, промышлять, мошенничать на чужой счет. *Прощеул*, *прощеульник*, — ница, орл. *прощелыга*. **ПРОЩЕЛЫГА.** Слово «прощелыга» происходит отнюдь не от «простой». В этом слове про- приставка, а — щел- корень. *Прощелыга* — это человек, который пролезет в любую щель, то есть «проныра, пролаза, плут». Примеры: «Неопытному ездоку на московской большой дороге беда: дорога эта — преддверье обеих столиц, мужики и ямщики на этом огромном распутье сделались уже какими-то прощелыгами и мастерски обирают и осударивают проезжих». В. И. Даль, «Бедовик», 1839 г.; «- Да это, может быть, и не нищий, а какой-нибудь прощелыга, бабушка. — Дай! дай! дай ему гильден!» — Ф. М. Достоевский, «Игрок», 1866 г.

— Тогда, ты получишь то, что я уже тебе обещал! — «смилоствивился» над ним Царь-Диктатор и, о чем-то неожиданно вспомнив, поспешил добавить: — Правда, сразу хочу тебя предупредить о... О твоей возможной измене, вождь! Я никогда и никому ничего не прощаю! Как только у тебя возникнет одна только мысль о том, чтобы меня предать... Знай! Тебя ждет верная смерть! Я не просто тебя убью, я постараюсь сделать это как можно медленнее и изощренней. Это я тебе обещаю твердо. И еще... Чуть не забыл! У меня с тирренами личные счета. Так что, не советую тебе совать свой нос, куда не следует! Не говоря уже о том, чтобы задавать лишние вопросы!..

Вконец измотанный и раздавленный до состояния коровьей лепешки столь неожиданно для него обернувшимся допросом пленного дикаря, Рикки Карлос покорно, скорее даже, обреченно кивнул.

Однако, чужеземный Царь даже и не думал оставлять его, одного из самых влиятельных и авторитетных наркобаронов Севера, в покое, но, выдержав непродолжительную паузу, лишь только усилил свой, и без того неслыханный для «свободолюбивых» пасынков Америки, диктат:

— Теперь, пару слов о самом главном — о моей Армии! Ты ее скоро увидишь воочию... Но

для этого мне необходимы, как минимум, сто сотен лошадей и как можно больше продовольствия и фуража! Мои люди проделали слишком долгий путь и, как я подозреваю, нуждаются в отдыхе и восстановлении сил...

— Но у меня нет такого количества... лошадей! — виновато признался Рикки, пряча глаза в землю. — На юге Флориды мы их всех уже давно истребили... То есть, я хотел сказать, всех домашних лошадей в Майами-Биче мы съели еще двадцать лет назад, а кого не съели — те сбежали от нас на север — в Мертвые земли — или стали мустангами, на которых мы принципиально — не охотимся из-за послевоенной эпидемии конского гриппа ¹³! Но...

¹³ *Конский грипп — опасное вирусное заболевание, симптомами которого являются высокая температура, кашель и выделения из носа лошади. В 2007 году вспышка конского гриппа имела место в Монголии, где заразились 130 тысяч лошадей из них 118 околели. Также вспышки конского гриппа имели место в России и Австралии. Болезнь под различными названиями известна с древних времен (4–5 в.н. э.). Заболевание чаще называли инфлюэнцией, что отражает аналогию с соответствующей болезнью человека. В 18 и 19 вв. грипп лошадей протекал в виде панзоотии в Европе и Америке. Широкое распространение имела болезнь в 1914–1918 и 1941–1945 гг. Возбудитель болезни относится к семейству ортомиксовирусов рода А. Впервые его выделили Совинова и Тумова в Чехословакии (1956) во время крупной*

— Ты меня разочаровываешь, вождь! Теперь уже мне необходимы от тебя гарантии того, что ты способен быть надежным и полезным для нашего общего дела союзником! Если ты не найдешь лошадей... — раздраженно осадил его Нерей, угрожая сдвигая на переносице брови и вновь собираясь прибегнуть к гипнозу.

— Не гневайся, благородный Царь! Но у меня действительно нет никаких лошадей, — растерянно развел руки в стороны наркобарон. — Зато, я могу предложить пару-тройку имеющихся в моем распоряжении вездеходов! Ну и десятка два «хаммеров»... Они достаточно надежны и способны заменить собой целый табун самых быстрых и выносливых арабских скакунов. Только, если не секрет, зачем тебе нужны лошади?

— Что бы вывезти моих людей с побережья и воссоздать в этом мире Золотого Солнца мою несокрушимую кавалерию! — без особого на то

эпизоотии. В 1963 г. в США также во время крупной респираторной вспышки от лошадей был выделен вирус, отличающийся от чехословацкого по антигенной структуре. В последующие годы в разных странах мира во время респираторных заболеваний у лошадей были выделены различные штаммы вируса, которые были идентичны чехословацкому или американскому эталонным штаммам или имели антигенные отличия.

энтузиазма, пояснил Царь-Диктатор.

— Кавалерию? — с трудом удержавшись от того, чтобы не поднять вальяжного собеседника на смех, переспросил Рикки. — Твоя Армия... включает в себя кавалерию? Ту, что ездит на лошадях и махает над головой длинными и тонкими мачете? Видал я такое, но только на пожухших картинках и в довоенных видеоблокбастерах и компьютерных играх...

— Ты что-то имеешь против моей доблестной кавалерии, вождь? — вспылил Царь-Диктатор. — Что-то, я тебя не понимаю?!

— Извини, благородный Царь, но я должен кое-что тебе объяснить? — сам удивляясь своей дерзости, возразил в ответ Нерею наркобарон. — Но, на Земле, или, как ты ее называешь — в Ойкумене, вот уже более двух сотен лет с помощью кавалерии и, как я подозреваю, лучников и копыеносцев, никто не воюет... Мы уже давно используем, точнее, использовали до того момента, как Имперская армия перешла в наступление — танки, самолеты, пушки, ракеты... Ну и другие, им подобные, боевые машины. А еще, морской, воздушный и сухопутный десанты на бронетранспортерах и штурмовых платформах. Наши солдаты, как правило, вооружены огнестрельным и пневматическим оружием. А еще гранатами, минами и самодельными бутылками с

зажигательной смесью. Ну той, что против танков... Как же ты тогда, не имея, как я понял, всего этого на вооружении своей армии, собираешься победить Имперцев? Они же перестреляют твоих и моих людей, как зайцев! Мы даже глазом моргнуть не успеем, как окажемся у них в плену... А то, и того, хуже... Шлепнут нас за милую душу, и даже не почешутся при этом!..

— Ну, это мы еще посмотрим — кто и кого шлепнет! — в раздражении перебил его Царь-Диктатор, инстинктивно чувствуя правоту и справедливость замечаний своего нового союзника, так как перехваченные его, Нерей, сознанием мыслеобразы вождя ойкуменцев, увы, в точности соответствовали произнесенным им вслух словам.

И хотя, Нерей никогда ранее в своей жизни не видел ни танков, ни пушек, ни, уж тем более, самолетов и подводных эсминцев, он сразу и безоговорочно поверил в то, что в «науке» убивать себе подобных жители мира Золотого Солнца добились поистине фантастических успехов. Куда уж более впечатляющих, по сравнению с тем, чего достигли в этом вопросе и за тот же период времени атлантические кудесники, зодчие и строители колесниц.

Между тем и совершенно неожиданно, его осенило.

Он понял, что чудовищная сила и мощь

боевых «машин»- против воли Посейдона некогда подаренная предкам нынешних пеласгов презренными титанами — в то же самое время является и их самой главной слабостью и первопричиной будущих поражений в войне с Армией «Освобожденных и Верных» Сидхи.

— Боевые машины тирренов, о которых ты мне только что говорил, вождь, они управляются простыми и самыми обычными людьми? Ведь так? — вкрадчиво и осторожно поинтересовался Царь-Диктатор у Рикки, прежде чем сделать для себя окончательные выводы.

— Чаще всего, да, благородный Царь! — с готовностью подтвердил Карлос и, чуть заметно стушевавшись, добавил. — Хотя, и не всегда... У Имперцев бывают еще и роботы-автоматы. Правда, ими тоже, в определенном смысле, управляют живые операторы-люди, находящиеся на большом расстоянии от самих боевых машин и, потому, неуязвимые для тех, кто жаждал бы с ними сразиться лицом к лицу на поле боя. Но, разве это хоть что-то меняет?... Ну, с точки зрения наших шансов на победу, Царь?!

— Скоро увидишь! — буркнул себе под нос Нерей, не желая вдаваться в подробности и посвящать своего не слишком, как он понял, хорошо разбиравшегося в стратегии и тактики войны «союзника». — Однако, не будем торопить

события. Вначале я хотел бы привести в порядок своих людей, а там, уже, будет видно — что к чему... Точнее, кто кого!

— Можно задать один маленький, скажем так, уточняющий вопрос, Великий Царь? — робко поинтересовался Рикки, так и не получив от своего самоуверенного гостя и будущего союзника в войне против Империи должной, по его мнению, «моральной поддержки» и твердых гарантий неминуемой для них обоих победы.

— Что ж, говори, — рассеяно предложил ему тот. — Только коротко и без лирических отступлений!

— Куда я должен доставить свои вездеходы и..., — Рикки замялся, прежде чем, скрепя сердце, закончить свою фразу. — И провиант для твоей Армии. То, есть, если не секрет, то я хотел бы уточнить, где твои люди сейчас находятся. И сколько их всего? Тысяча? Сто тысяч? Может, миллион?

— Их ровно семьдесят семь сотен и семьдесят семь непобедимых воинов Сидхи, вождь. Но каждый из них стоит нескольких десятков любых твоих, пусть даже и самых отважных и опытных, телохранителей и солдат! — надменно, с нескрываемым презрением к собеседнику в голосе, отчеканил Царь-Диктатор. — Что же касается того, куда тебе доставить твои машины и провиант, то...

Теперь уже Царь-Диктатор осекся на полуслове: то ли мысленно подбирая понятные для его собеседника-варвара слова, то ли терзаясь в сомнениях, стоит ли вообще говорить ему о том, где и как в Ойкумене собирается высадиться с межзвездного Ковчега его, Нерей, Армия Непобедимых. Но, всё же, собрался с мыслями и решительно произнес:

— Всё дело в том, вождь, что я пока слишком плохо ориентируюсь в вашем, столь странном и начисто лишенном должной гармонии и порядка мире Золотого Солнца. Само собой, это ничего не меняет. Однако, если честно, то я просто не знаю, как именно называется та местность, где мои люди должны присоединиться ко мне. Тем более, что они... Они придут с неба! Точнее, прибудут в Ойкумену на борту одной из «звездных триер» тирренов... Тебе это ни о чем не говорит, вождь?

— Ну, почему же, — обиженно прогнусавил ему в ответ Рикки, втайне ликуя от мысли о том, что даже этот высокомерный и явно могущественный чужеземный Царь нуждается в его, скромного наркобарона Севера, помощи. — Если я тебя правильно понял, Царь, то «звездная триера» — это не что иное, как один из космических кораблей Имперцев?! Или, что-то вроде того?

Нерей неуверенно пожал плечами, но

возражать не стал.

— Так вот, — воодушевленный очередным замешательством Диктатора-Царя, продолжил свои умозаключения наркобарон, — В юности, мои родители рассказывали мне легенду про то, что много лет назад, здесь во Флориде, рядом с тем самым месте, где тебя пленили... Извини, Царь, я хотел сказать, обнаружили мои люди, существовал огромный аэродром и завод-автомат, который эти самые корабли вначале создавал, а затем и отправлял в космос. Кажется, это местность, тогда носила названия «Космодром на мысе Канаверал». Теперь же, там мертвая и, очень даже может быть, что радиоактивная пустыня. Точнее, кладбище всевозможных химических и техногенных отходов. Об этой местности ходит очень дурная слава. Однако, пусть это тебя не пугает. Кое-кто из моих разведчиков там уже побывал. Да еще и не один раз. И ничего особенного, кроме железобетонных развалин, разных там проржавевших остовов машин и остатков полуподземных сооружений, туннелей и труб, не обнаружил. Одним словом, свалка она и есть свалка. И, хотя, я сам твердо не уверен в том, что космические корабли на самом деле когда-то существовали, а не являются банальным вымыслом разных там сказителей и ученых, всякое может быть. В любом случае, я готов допустить то, что если твои люди собираются

прибыть на землю на космическом корабле, то «мыс Канаверал», это, пожалуй, единственное место в этой части нашей планеты, где их в первую очередь стоит ожидать и искать. Может, нечто подобное есть и у Имперцев... Но, об этом ни мне, ни кому либо еще из моих деловых партнеров ровным счетом ничего не известно!

— Ладно, — так и не придумав ничего лучшего, вынужден был согласиться с ним Царь-Диктатор, — будем ждать моих людей на твоём «мысе Канаверал»! Я сам отправлюсь туда немедленно. А посему, мне будет нужен проводник и, дабы я больше попусту не убивал и не калечил твоих людей, ты предоставишь мне надлежащий для подобного случая эскорт,... Ты согласен, вождь?

— Да, конечно! — с готовностью кивнул ему в ответ Рикки, чудовищным усилием воли скрывая на своем лице радость от предстоящей разлуки с назойливым и опасным гостем. — Как скажешь, Царь! Все мои люди отныне в твоём полном распоряжении. Что я еще могу для тебя сделать?

— Достать мне добротную и приличествующую в вашем обществе благородным господам одежду и... И больше не задавать мне лишних вопросов! — холодно отрезал Нерей, теряя после этого всякий интерес к своему собеседнику.

Тот же, в свою очередь, поспешил

воспользоваться удобным случаем, «вежливо» раскланялся с Диктатором-Царем и чуть ли не бегом устремился к выходу из опостылевшей ему «комнаты переговоров».

А еще, где-то через час, молчаливая и угрюмая процессия, состоявшая из дюжины облаченных в бронежилеты головорезов наркомафии и возглавляемая самим Царем Священной Атлантиды, наконец, без особой помпы и пышных проводов, навсегда покинула загородную резиденцию некоронованного правителя Калифорнии, Невады, Аризоны, Техаса, Луизианы, Миссиссипи, Алабамы, Флориды и бывших Мексиканских соединенных Штатов — ЭНРИККО Бенда Марии Антуанетты Карлоса IV.

При этом Нерей, как и положено высокородному атланту, был облачен в одежды из изысканного черного шелка и высокие кожаные сапоги и, впервые в своей жизни, ехал на механическом «чудовище» ойкуменцев.

Это грозное чудовище именовалось «джипом» и представляло собой миниатюрную, самодвижущуюся колесницу из черного, местами все еще идеально отполированного и ослепительно сверкавшего в лучах солнца, металла и странного, прозрачного только с одной стороны, стекла.

Сопровождавшие его боевики мафии тоже предпочли добираться до «мыса Канаверал»,

воспользовавшись услугами не лошадей, коих в этой дикой стране действительно уже никто и достаточно давно не видел, а двух других, более скромных, чем у Царя-Диктатора, «колесниц».

Они были вооружены до этого не знакомыми Нереею сучковатыми металлическими «палками», которые почему-то, так же как некоторые из своих машин, называли автоматами.

Между тем, всю дорогу до побережья было невыносимо жарко и душно.

В результате, после каждого очередного дорожного ухаба ойкуменцы грязно ругались и всеу проклинали своего якобы всемогущего Бога.

Царю-Диктатору это их странное, если не сказать большего — вызывающе кощунственное и наплевательское, отношение к собственной Вере было в диковинку. Но, если честно, он даже и в мыслях не держал того, чтобы призвать богохульников к порядку.

Потому, что он смертельно устал и очень хотел спать.

Потому, что ему было откровенно наплевать на тщедушного ойкуменского Бога, который даже в подметки не годился не то что Посейдону, но даже последнему из сатиров Пана.

Наконец, потому, что в какой-то неуловимый момент времени Царь-Диктатор, сам того не заметив, расслабленно откинулся в кресле и,

презрев все и вся в этом диком мире Золотого Солнца, полностью отдал себя во власть вездесущих атлантических богов Гипноса и Морфея...

Глава вторая

Хозяйка и пленница Ковчега Надежды (Юлия)

Стояла глубокая ночь.

Небо, чистое и безоблачное, было густо усыпано изумрудным бисером звезд и мутными пятнами далеких галактик.

Маленькая, чуть заметно пульсирующая неоновыми переливами и отраженным сиянием полной Луны, точка неожиданно сорвалась с орбиты и устремилась навстречу Земле.

— Это случится в ближайшие несколько мгновений! — голос, столь беззастенчиво ворвавшийся сознание и своим вероломным вмешательством разрушивший предутреннюю дрему Диктатора-Царя, без всякого сомнения, принадлежал Звездному Призраку.

Нерей поспешил сосредоточиться и окончательно прийти в себя, дабы встретить очередное и как всегда непредсказуемое появление своего Учителя во всеоружии и в здравом уме.

— Они приближаются! — в полный голос возвестил Звездный призрак, собираясь снова

раствориться в хаосе звезд. — Ты знаешь, о ком я говорю, Царь! И знаешь, что тебе надлежит делать дальше! Дерзай! Мы еще с тобой встретимся! Но только не здесь и не сейчас!

— Но, почему, Учитель? Разве, ты не останешься вместе со мной на Земле? И тем самым лишишь меня твоих мудрых советов?

— Да, мой юный друг! Я снова вынужден тебя покинуть! Потому, что... Потому, что длительное пребывание здесь, на Земле, слишком для меня неприятно и больно. Мир, который так благосклонен к тебе, меня, Странника, в свою очередь, угнетает! Земля никогда не простит мне того, что когда-то я её покинул. Ну и, само собой, того, что я стал тем, кто более не подвластен ее гравитационным объятиям и ласке... Ты же для нее — родное, пусть и заблудшее, но, всё же, дитя! Пользуйся этим, пока у тебя есть такая возможность, Царь. Делай то, для чего ты был выбран Судьбой! И помни о том, что Трансссер не прощает тех, кто способен остановиться на полпути. Тех, кто колеблется и готов отказаться от уже принятого им решения и планов. Тех, кто не исключает возможности повернуть вспять и покориться воле обстоятельств и Рока. Так что, не спеши бросать вызов Хаосу и Пустоте! Ты еще успеешь это сделать... Ведь, у тебя впереди целая Вечность! Или, ты, все же, ещё не готов пройти

свою дорогу до конца?

— Я готов, Учитель! Но, вместе, мы смогли бы пройти ее гораздо быстрее и лучше! Я не прав? — предпринял последнюю, отчаянную попытку удержать незримую сущность Странника подле себя Нерей.

— Ты не прав! Потому что это твоя, а не НАША, дорога, Царь. Свою — я уже давно прошел! И что-либо исправить в содеянном — уже не в силах... К тому же, ты забыл одну из основополагающих заповедей Хранителей Вечности и Покорителей Пустоты: мы, Странники, только указываем путь, но никогда и никому не помогаем его пройти. Потому, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды». Как бы этого кому-либо и не хотелось! Чужой опыт приносит только вред. И глубоко ошибаются те, кто вещает, что «на своих ошибках учатся только дураки, умные же — предпочитают это делать на чужих проблемах и неприятностях». Потому, что главное в жизни людей — не результат, а сам процесс его достижения! И чем этот процесс совершеннее и рациональнее, тем в будущем проще повторить и усовершенствовать результат. Дабы уже никогда не рассматривать его в качестве «Великой» Цели!

— Значит, — в нетерпении перебил Звездного Призрака Нерей. — Ты даешь мне право самостоятельно принимать решения, Учитель?

Дабы всецело и полностью отвечать за их последствия?!

— А я тебя никогда и не лишал этого права, Царь, — усмехнулся ему в ответ Странник. — Другое дело, что ты сам не особо-то и горел желанием быть от меня независимым, Царь. Теперь же, все изменилось. Ты — один! Один против всех, кто с тобой не согласен. Один, дабы стать, наконец, первым. И лучшим. Помни про это, Царь! Быть и казаться — две разные и редко совместимые вещи. Первая дает права, вторая — только обязанности. Тебе одному решать, какая из этих двух ипостасей твоя, а какая — нет. Да поможет тебе разобраться в этом твой бог и кумир Посейдон...

Прежде чем, голос Звездного призрака окончательно растворился в недрах его, Нерей, подсознания, Царь-Диктатор уже был на ногах.

Осторожно переступая через тела своих новых, громогласно храпящих и изредка вздрагивающих во сне, телохранителей Нерей выбрался из лагеря и чисто инстинктивно бросил взгляд в сторону линии горизонта.

Ослепительно яркий, огромный и стремительный, болид в то же мгновение прорезал верхние слои атмосферы, нагло и бесцеремонно прошерстил своей огненной мантией кромку перистых облаков и, наконец, выйдя на пологую траекторию, уверенно устремился... прямо на

Диктатора-Царя.

И хотя космический гость буквально на глазах терял свою скорость и «служебное» рвение, Нерюю, никогда ранее не видевшему воочию посадки космического корабля, стало страшно.

Казалось, огненное чудовище, пусть даже и порожденное гением человеческой воли и разума, неожиданно вышло из повиновения и вот-вот готово было его, Царя-Диктатора, безжалостно подмять под себя, обдать смертоносным жаром и, в конце концов, вдосталь насладившись собственным всевластием и могуществом, разорвать жалкое и тщедушное тело атланта на тысячи бесформенных ошметков.

Царь-Диктатор, неуютно поёжился, мертвенно побледнел и в ожидании неминуемой смерти от невыносимого жара и механических лап чудовища гордо и вызывающе вскинул голову.

Однако, рукотворное «чудище» тирренов оказалось только с виду таким грозным и безжалостным, каким его себе представил в своём воспаленном воображении Царь-Диктатор. Сделав над головой оцепеневшего атланта изящный, выверенный до мельчайших деталей, вираж, корабль-автомат мягко, нежно и практически бесшумно завис на высоте нескольких десятков метров от земли.

Что должно было случиться дальше, Нерей

даже и не предполагал.

Его собственная армия Непобедимых и еще кое-кто, куда более важный и значимый для него, чем все солдаты обоих миров — как Золотого, так и Сумрачного, Солнц — вместе взятые — были теперь от него на расстоянии вытянутой руки, но...

Но он всё ещё был не в силах до них дотянуться! Другими словами, подобно малому ребенку, он видел игрушку, но не знал, как ему достать её с высокой полки. И рядом не было никого, кто бы мог ему дать нужный и жизненно важный в сложившихся обстоятельствах совет.

В итоге ему ничего другого не оставалось, кроме как зачарованно разглядывать висевшую в воздухе грудку разноцветного металла, кусать себе от бессилия локти и в десятый, сотый, а то и тысячный раз взывать о помощи к Звездному Призраку.

Но, Странник, до этого такой к нему заботливый и чуткий, на этот раз даже и не думал появляться! Либо он был слишком далеко, чтобы услышать призывы Нерея... Либо просто посчитал свою дальнейшую опеку над Царем-Диктатором — явно противоречащей его собственным планам.

Одним словом, помощи Нерею было ждать неоткуда и оставалось надеяться только на самого себя!

И тогда...

И тогда Царь-Диктатор неожиданно вспомнил о том, чему его так долго учили жрецы в Долине Мертвых Теней. А учили они его, прежде всего, тому, что: «ни одна машина не способна сама собой управлять»!

А это значит, что у него есть шанс! Шанс подчинить себе «желания» и «помысли» машины. Шанс, покорить ее стальную мощь, заставить вздрогнуть орихалковые «мышцы» и вернуть Нерю то, что ей не принадлежит.

Царь-Диктатор снова, как когда-то, протянул к «машине» руку, собрал в кулак свое сознание, чувства, волю и...

И снова, как когда-то, «машина» приняла его!

Он плыл по уже знакомому, бесконечно длинному и безмолвному, коридору. Легко и непринужденно проходил сквозь мраморные плиты стен и неприступные на вид врата.

И снова перед его глазами маячили гирлянды разноцветных нитей, сверкавшие мерцанием огней шары, коробки из стекла и серого металла, трубы, черные как сажа пирамиды, прикрытые пластинами шкафы, прозрачные сосуды, арки, кубы и яркие таинственные письмена.

Когда же Нерей, преодолев очередную мраморную стену, наконец, оказался в ярко освещенном зале, это уже не стало для него, как в прошлый раз, полной и заведомо пугающей

неожиданностью.

Правда, зал в этот раз был странным образом безмолвен и, на первый взгляд, казался мертв.

Но, вскоре обнаружив в его центре до боли знакомый Черный Куб, Нерей сразу же успокоился, непринужденно опустился за полукруглый стол и вальяжно опрокинул свое тело на одно из его кресел.

Он уже знал, что именно должно было случиться дальше.

Знал! Но, как и следовало ожидать, ошибся!

Потому, что Черный Куб, даже несмотря на его, Человека, появление, так и остался обычным предметом интерьера — холодной, безмолвной и ко всему безучастной громадой отполированного до зеркального блеска искусственного минерала.

— Однако?! — в растерянности и искреннем недоумении проронил Нерей, начиная нервно ёрзать в своём «командирском» кресле и озадаченно уставившись на абсолютно безжизненный монолит черного гексаэдра. — Неужели, я что-то сделал не так?! Или ты, «машина», после межзвездного перелета уже не в состоянии и дальше верой и правдой служить благородным атлантам? Ведь ты же, как утверждал мой Учитель — Звездный Призрак, априори не можешь сломаться! Только не сейчас! Когда ты, божественный Куб, так сильно стал мне нужен...

В следующее мгновение Царь-Диктатор чисто инстинктивно обернулся.

Ему неожиданно почудилось, что...

Да нет, это же сущий бред! Этого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда!

Но, все же, взяв себя в руки, он был вынужден признать, что воочию видит возле Куба тень... Нет, даже не тень, а четкую фигуру! Фигуру, контуры которой, до самых мельчайших деталей, он знал наизусть!

Нерей, совсем не ожидавший подобного поворота событий, настороженно отскочил назад.

Он готов был поверить во всё, что угодно. Но только не в то, что именно он теперь созерцал.

Созерцал, затаив дыхание. Созерцал, не в силах оторвать глаз и вымолвить хотя бы слово. Созерцал, холодея от одной только мысли о том, что это все ему только лишь снится.

— Добро пожаловать на борт рейдера сверхдальнего космического поиска «Марко Поло», мой повелитель! Все системы корабля функционируют в рамках заданных параметров самоориентации и антигравитационного баланса! — своим обычным, нежно и трепетно ласкающим слух Диктатора-Царя голосом произнесла та, о долгожданной встрече с которой он искреннее и неутомимо мечтал все прошедшие с момента их первого знакомства месяцы, дни и часы.

Царь-Диктатор мертвенно побледнел и нервно заскрипел зубами.

— Добро пожаловать на борт рейдера сверхдальнего космического поиска «Марко Поло», мой благородный Царь Священной Атлантиды! — вновь повторила Юлия, не сводя своих бирюзовых бусинок — глаз с Нерей. — Я что-то сказала не так?

— Что? — не нашел ничего лучшего, как растерянно и одновременно с этим восхищенно прохрипеть ей в ответ Нерей. — Что ты здесь делаешь, моя богиня?

— Жду вас, мой Царь и Повелитель! — легко, без малейшей тени фальши и лицемерия в голосе, завораживающе проворковала она.

— Здесь? Но раньше здесь была... Другая?! — смущенно выдавил из себя Нерей, предательски краснея и ощущая неподвластную воле нервную дрожь в своих руках и теле. — Эта, как её... Го-ло-грам-ма?! Ну как её назвал Учитель...

— Да, наверное... Она была! — сразу как-то сникла и заметно погрузнела, но, все же, согласилась с ним девушка, прежде чем на ее пушистых, очаровательных ресницах засверкали росинки слез. — Но теперь я заняла её место, благородный Царь. Хотя и не совсем уверена в том, что Вы рады меня снова видеть...

— Что значит, заняла её место, моя дорогая?

Ты, наверное, шутишь, да? Я ровным счетом ничего не понимаю! — озадаченно переспросил ее Царь-Диктатор, чьи глаза вот-вот готовы были вылезти из орбит от более чем странного признания его возлюбленной.

— Теперь — это мой дом, Повелитель! А машина... — девушка смущенно и застенчиво запнулась, с трудом подбирая слова для того, чтобы ее объяснения не показались Царю-Диктатору совсем уж лишенными здравого смысла.

— Я теперь сама часть «машины», — наконец, собралась с духом и скороговоркой выпалила она. — Или, что, в общем-то, то же самое — по воле бессмертных богов и Звездного Призрака эта «машина» стала неотъемлемой частью меня. Вот!

— Что ты хочешь этим сказать, дорогая? — в искреннем недоумении и некоторой доле растерянности переспросил ее Царь-Диктатор. — Ты и «машина»?... Какая между вами может быть связь? Ты — человек, она — бездушный механизм. И ты говоришь, что от нее зависишь? Но как?! И, главное, почему? Что именно с тобой случилось... в Атлантиде, чего такого не поведал мне ни Жрец, ни даже Звездный Призрак?

— Случилось то, что той, которую вы знали в Атлантиде... Той, что любила вас и смогла сию любовь сберечь... Той, которую вы когда-то спасли от неминуемой смерти... Её больше нет! И уже не

будет никогда! — сбивчиво, давясь слезами и не скрывая бездонного отчаяния в голосе, пролепетала девушка, прежде чем неудержимо разрыдаться.

— Что ты такое говоришь, моя богиня? Как такое возможно? Ты, наверное... так шутишь? Я же вижу тебя и даже могу к тебе прикоснуться... — Царь-Диктатор самоуверенно протянул свою руку к лицу возлюбленной, но...

Но его пальцы неожиданно повисли в воздухе, вместо того, чтобы ощутить на себе трепетную нежность и манящее страстной негой тепло кожи возлюбленной.

— Что...Что они с тобой сделали? — уже в следующее мгновение самопроизвольно вырвался у него из груди возглас искреннего негодования и растерянности. — Ты... Ты призрак? Или это снова происки жрецов? И мне всё это только снится!

— Нет, увы, но это не сон, мой Повелитель! Как бы нам обоим этого и не хотелось, — сквозь судорожные всхлипы и рыдания сдавлено запричитала ему в ответ девушка, стыдливо пряча свои затуманенные горем и скорбью глаза от Неряя. — То, что вы перед собой видите, мой Повелитель, это то небольшое, что всё ещё осталось от меня в этом безжалостном мире. Только — Тень! Жалкая и навсегда лишенная собственной воли и права на полноценную жизнь. Такова и увы! была воля богов, мой Повелитель! Они, руками жрецов,

всё же вернули себе законную жертву. И если бы не Звездный Призрак, то вы даже никогда бы об этом и не узнали. И, наверное, это было бы даже к лучшему...

— К лучшему для кого? — в запальчивости перебил ее Царь-Диктатор. — Для Богов, жрецов или... Кого?!

— Прежде всего, для вас, мой Царь и Повелитель! — всё же взяла себя в руки и превознемогая горькие рыдания, отчаянно запротестовала девушка. — И, быть может, чуточку для меня... Для той, которая, несмотря ни на что, все еще вас продолжает любить, но... Но уже и увы! совсем не в праве рассчитывать на взаимность!

— Даже так?! — безграничная радость от долгожданной встречи с возлюбленной не замедлили смениться в голосе Диктатора-Царя столь же искренней и неудержимой яростью и негодованием.

— Значит, воля Богов, говоришь?! И злая Судьба?... И они все теперь стоят между нами?! — всё более распаляясь, забормотал себе под нос Царь-Диктатор. — Я... Я тебе не верю! Да, да, моя богиня! Быть может, впервые за всю свою жизнь я готов поставить под сомнения твои, лишённые рассудка, речи! Я не знаю, зачем весь этот дурацкий спектакль понадобился тебе... И Звездному

Призраку!.. Которого я все еще почитаю как родного отца, но... Но это все никак не может быть явью! Я знаю, ты жива и просто со мной играешь... Быть может, чтобы еще раз убедиться в искренности нашей любви... А может... Это еще одно для меня испытание? Признайся, это все придумал наш божественный покровитель — Призрак? Ведь так?! Это он научил тебя... искусству Теней и коварству? Я знаю, он в этом деле мастак! Он и меня научил подобным штучкам. Он...

— Вы не понимаете, любимый мой Царь и Повелитель, — возмущенно перебила его девушка, — Звездный Призрак здесь совсем ни при чём! Те силы, что восстали против нашей любви, даже ему, Последнему из Первых, увы! не подвластны...

— Но я хочу тебя понять! — неожиданно сменил свой гнев на милость Царь-Диктатор, падая при этом на колени и в отчаянии протягивая к призраку своей возлюбленной мускулистые руки. — Я пытаюсь, но ты...

— Вы хотите понять? Но не можете мне просто поверить? — в голосе девушки неожиданно проскользнула тень обиды и искреннего возмущения. — Вы хотите знать все, до конца?! Так будь же по-вашему, мой любимый Царь и Повелитель! Тогда... Обернитесь!

Царь-Диктатор раздраженно заскрипел зубами, но все же, скрепя сердце, подчинился ее приказу.

При этом он был твердо и непоколебимо уверен в том, что не увидит за своей спиной ничего такого, что было способно его разубедить в понимании сути событий.

Хотя бы потому, что за его спиной в принципе не могло быть ничего, кроме Черного Куба из пульсирующего голубыми искрами стекла. Кроме бледно-серых стен, окружавших его с трех сторон и чуть заметно поблескивающих в жидком и ко всему безучастном сумраке варварской звездной машины. Кроме светящихся изнутри коробов и панелей. Кроме бесконечных рядов разноцветных, в унисон мигающих огней... Ну и, наконец, кроме уже знакомых ему тирренских писмен и ярких таинственных фресок...

А так как подобная картина уже давно была неспособна вызвать в его душе ни малейшего сполоха мыслей и чувств, Царь-Диктатор был спокоен. И на его губах уже даже гуляла фраза типа: «Ну и что? Я это видел все и раньше?! Что же во всем этом такого, что могло бы хоть как-то объяснить твои слова, моя богиня?»

Но...

Но к несказанному удивлению и неподдельному разочарованию Диктатора-Царя

суровая и де-факто имеющая место быть действительность оказалась на поверку весьма отличной от той, которую ему так опрометчиво нарисовали его врожденное упрямство и уверенность в себе!

Хотя бы потому, что позади него никакого Куба, никаких стен, никакого сумрака, никаких стеклянных кубов и шаров, которых Звездный Призрак в прошлый раз ему показывал и называл их при этом «приборами» — НЕ БЫЛО!!!

Но зато была прежде ему неведомая...
Пирамида!

Но и это было еще не все...

Потому, что она, эта самая Пирамида, невесть откуда взявшаяся и величественно возвышавшаяся на месте Куба, казалось, состояла из одного лишь яркого света и льда.

Льда, даже на значительном от него расстоянии обжигающего Царя-Диктатора своей мертвенной холодностью и безмолвием.

Льда, пьянящего идеальным совершенством остроотточенных граней и зеркальной чистотой плоскостей.

Льда, олицетворявшего собой само дыхание Вечности и Пустоты!

Царь-Диктатор настолько был поражен пышным великолепием Ледяного Кристалла, что не сразу обратил свое внимание на то, что внутри него

было ещё что-то...

Что-то, без всякого сомнения, чужеродное для льда и, вместе с тем, до боли знакомое ему, Царю-Диктатору Священной Атлантиды Евэмону.

И это «что-то» было ничем иным...

Точнее, ни кем иным, как... Его несравненной возлюбленной — Юлией!!!

«НЕТ! Этого не может быть!» — подобно разряду молнии сверкнуло в сознании Нероя.

Царь-Диктатор не выдержал и, сорвавшись со своего места, бросился к заветному ледяному Саркофагу с его возлюбленной.

Но что он мог, простой смертный, пусть даже и Царь-Диктатор, противопоставить незыблемой Природной тверди?

Только свою страсть! Но страсть против льда бессильна! Это известно даже младенцу...

А посему, Царю-Диктатору не удалось даже прикоснуться к заиндевевшему, больше напоминавшему мраморное изваяние, чем живую плоть, телу девушки. Не говоря уже о том, чтобы вырвать его из плена цепких оков холода и крепко сжать в своих жарких объятиях...

— Теперь вы, мой любимый Царь и Повелитель, знаете что та, которую вы когда-то любили, в данный момент из себя представляет... Кусок безжизненного льда — и не более того! — между тем, робко и заведомо безнадежно

окликнула Диктатора-Царя рукотворная «тень»-голограмма девушки, всё ещё задыхаясь при этом от переполнявших её чувств и невыносимых страданий. — А значит, мы должны с вами проститься. Раз и навсегда! Потому что вы уже больше никогда не захотите меня увидеть. Увидеть такой, какой я стала теперь. Холодной и безответной для всех Ваших ласк и надежд. Способной только лишь на то, чтобы говорить вам о своей любви, но будучи при этом не в состоянии эти свои слова претворить в реальность...

— Подожди, я всё равно не понимаю, так что же на самом деле с тобой случилось? — нетерпеливо перебил девушку Царь-Диктатор, твердо, а если понадобится — то и силой, намереваясь докопаться до истины. — И почему ты все время говоришь о себе, как о мертвой? Да ещё и только в прошедшем времени?! Как будто, та, что лежит в Саркофаге...

— Это так, мой повелитель! — с безграничной печалью в голосе подтвердила мелькнувшую в его сознании догадку Юлия. — Та, что теперь находится в Царстве вечного сна и покоя, а когда-то мною была, теперь для меня, также как и для Вас, совсем чужая. Она, в отличие от той, которую вы когда-то знали, теперь ваш самый злейший и коварный враг! Лишь только холод и объятия Морфея удерживают её от лютой

ненависти и ненасытной злобы к вам, мой повелитель. А еще, крепкие ледяные стены ее Саркофага и могущество Звездного Призрака, чье покровительство над вами, мой повелитель, поистине, не ведает границ.

— Чушь! — решительно и непреклонно возразил ей в ответ Царь-Диктатор. — Ты — это ты! И ты никак не можешь быть моим врагом, моя богиня. Это противоречит здравому смыслу! Это... Это просто невозможно, в конце концов!

— Я — нет, — в свою очередь, столь же упрямо продолжала настаивать на своем Юлия. — Она — совсем другое дело! Яд превратил её в покорную рабыню. Рабыню жрецов и тех, кто им повелевает вас, мой горячо любимый Царь и Повелитель, безжалостно убить! И если бы не Призрак...

— То я уже давно бы был мертв... Не так ли, милая моя богиня? — с нескрываемой иронией в голосе подытожил ее слова Царь-Диктатор, гордо вскидывая при этом голову и поднимаясь с колен.

— Так вот, значит, как отплатили мне жрецы и мои братья архонты за мою верность и преданность интересам Атлантиды?! Они подняли руку на самое дорогое, что только было в моей жизни — на тебя, моя богиня? — багровея от праведной ярости и гнева, воскликнул Царь-Диктатор. — Хорошо же... Тогда я

Бодисаттва и Царь Священной Атлантиды Евэмон, Диктатор Армии и Флота, рожденный благородным отцом и сыном Атлантиды... Бросаю вам, о жестокосердные и вероломные Боги... И, прежде всего, тебе, бездушный и циничный повелитель водных пучин и Священной земли атлантов Посейдон... Бросаю свои проклятия и вызов! Вызов на бой! Смертный бой! Пусть даже вам, Бессмертным, это слово пока и неведомо! Но, кто знает... Геракл и Прометей ведь тоже не были однажды восприняты вами всерьез?! А грозные Титаны, коих вы низвергли в Тартар и безвестность, они ведь так же, как и вы, уповали на вечную власть, могущество и славу?! Так что, я вырву тебя, моя любимая, из объятий Аида ¹⁴! Раз уж это

¹⁴ *Аид (греч. миф.) — верховное божество у античных греков — эллинов и римлян. Безжалостный, неумолимый и мрачный брат Громовержца Зевса и Повелитель Царства души умерших. Это Царство располагается глубоко под землей. Никогда не проникают туда лучи яркого солнца. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное Царство Аида. Там протекает священная река Стикс, водами которой клянутся сами боги. Катят там свои волны Коцит и Ахеронт; души умерших оглашают стенаниями их мрачные берега. В подземном Царстве струятся и дающие забвения всего земного воды реки Лета (отсюда и выражение — «кануло в Лету») По мрачным полям царства Аида, заросшим бледными цветами асфодела (дикого тюльпана), носятся бесплотные и невесомые тени умерших. Они сетуют*

однажды удалось сделать Гераклу, то почему я, не менее смертный, чем он, вдруг окажусь не в силах этот его подвиг ¹⁵ повторить?

на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Тихо раздаются их стоны, подобные шелесту увядших листьев, гонимых осенним ветром. Нет никому возврата из этого царства печали. Греки (эллины) представляли себе его отвратительным и страшным, а загробную жизнь — несчастьем. Недаром тень Ахилла, вызванная Одиссеем из подземного Царства, говорит, что лучше быть последним батраком на земле, чем Царем в царстве Аида.

¹⁵ «Раз уж это однажды удалось сделать Гераклу...» — согласно древнегреческим легендам двенадцатым и последним подвигом Геракла на службе у Эврисфея было путешествие в царство Аида за стражем преисподней Цербером (Кербером). Под землю в Царство мёртвых Геракл спустился через вход, находившийся недалеко от мыса Тенар в Лаконии. Около входа Геракл увидел приросших к скале Тесея и Пирифоя, наказанных за попытку Пирифоя похитить Персефону (Тесей принял участие в похищении по дружбе с Пирифоем). Геракл оторвал Тесея от камня и возвратил его на землю. Но, когда он попытался освободить Пирифоя, земля содрогнулась, и Геракл вынужден был отступить. Покорился воле богов Геракл и пошел с освобожденным Тесеем на землю, к теплу и солнцу... Что касается Цербера, то он был так могуч и страшен, что от одного его вида леденела кровь. Кроме трех отвратительных голов, пес имел хвост в виде огромной змеи с разверстой пастью. Вот такого пса надо было не только одолеть, но и живым вывести из подземного мира. Цербер, как и положено адскому

— Но начать я собираюсь, всё же, со жрецов! — переведя дух и немного умерив свой праведный пыл, добавил Царь-Диктатор. — Смерть и бесчестье от моей руки — вот что теперь неминуемо ждет любого из служителей Веры! Я убью их всех до единого! Убью, но так, чтобы они поняли, за что умирают. И чтобы эта их смерть была для них невыносимо мучительной и горькой! Чтобы каждый из них многократно пожалел о том, что однажды родился, жил во лжи и подлой корысти и, наконец, решился разрушить счастье и мир двух влюбленных друг в друга людей!

— Это ничего не изменит, мой милый друг и Царь, — чуть слышно, в гнетущей и разрывающей

сторожевому псу, находился у ворот Аида, облаивая души, которые пытались подойти к реке мертвых Стиксу, чтобы никто не смог выбраться наружу. Если раньше, когда Геракл входил в ворота, пес не обратил на героя внимания, то теперь он накинулся на него со злобным рычанием. Геракл обхватил обеими руками две шеи Цербера, а по третьей голове нанес мощный удар. Цербер обвил своим хвостом ноги и туловище героя, разрывая зубами тело. Но пальцы Геракла продолжали сжиматься, и вскоре полузадушенный пес обмяк и захрипел. Не давая Церберу прийти в себя, Геракл потащил его к выходу. Когда стало светать, пес очнулся и, вскинув голову, страшно завыл на незнакомое ему солнце. Никогда еще земля не слышала таких душераздирающих звуков, от которых на землю хлопьями падала ядовитая пена. (Apollod. II 5, 12)

сердце Нерею печали промолвила Юлия. — Даже если ты уничтожишь всех жрецов и выиграешь схватку с богами, мы все равно уже никогда не сможем быть вместе. Никогда...

— Это еще почему? — слегка опешив от столь неожиданного признания девушки, переспросил ее Царь-Диктатор. — Если не будет жрецов и Богов, которых я самолично отправлю в Тартар к Титанам, а самого Аида я волоком притащу на аркане и презрительно брошу к твоим ногам, как это в своё время сделал Геракл с трехглавым Цербером — что или кто сможет тогда нам помешать снова быть вместе?!

— Мы сами! Точнее, всё дело во мне, — скороговоркой выпалила девушка, не давая Царю-Диктатору опомниться. — И, прежде всего потому, что то, что со мной случилось это не совсем смерть, в обычном понимании этого слова. А это значит, что даже Аид не сможет помочь мне снова стать самой собой. Потому, что яд, о котором я вам говорила, и которым меня отравили жрецы, это... В общем, он убивает не тело, но душу... И, как мне объяснил Звездный Призрак, он, яд, скорее злой дух, чем банальное смертоносное зелье злодеев. И он, этот дух, имя которому «Вирус», не просто бессмертен как Боги. Его могущество настолько безгранично, что даже сам Звездный Призрак не в силах с ним совладать!

— Тогда, я это сделаю за него! — самоуверенно пообещал ей Царь-Диктатор. — Чего бы мне это не стоило, но я уничтожу этого твоего «духа», который, как я понял, теперь стоит между нами! Чем бы или кем бы он и не был! Я...

— Нет, не Вы! — неожиданно и твердо возразила ему в ответ девушка. — Вы — не сможете. Вы...

— Если не я, то кто? — в гневе обрушился теперь уже на саму девушку Царь-Диктатор, чье самолюбие было явно задето ее сомнением в его, Царя Атлантиды и Диктатора Армии Непобедимых, отваге, решительности и готовности делом ответить за свои слова.

— Это способен сделать только тот, — робко произнесла ему в ответ девушка, — кто БЫЛ РОЖДЕН ВОПРОКИ ВОЛЕ И МОГУЩЕСТВУ двух миров: Ойкумены и Пелагсикона. Тот, кто готов покорить свой мир, только ради того, чтобы тут же от этой своей власти над ним отказаться... Вы же, как это и негрустно для меня, мой повелитель ничем не сможете мне помочь! Так сказал мне Звездный Призрак. А значит, у нашей любви нет будущего. И...

Юлия резко взмахнула рукой.

Как бы повинуюсь ее приказу, ледяной саркофаг с ее бездыханным телом, начал быстро опускаться куда-то вниз, в мрачные и бездонные

недра варварской машины.

А уже через мгновение на его месте снова возвышался Черный Куб тирренов.

— Да мне плевать на то, что тебе предсказал Звездный Призрак, моя милая! — между тем, ещё больше повысил свой, и без того похожий на рык тяжелораненого и не на шутку расвирепевшего зверя, голос Царь-Диктатор. — Если, я сказал, что очень скоро мы снова будем вместе, значит, так тому и быть! Да, я не был рожден вопреки воле и могуществу Ойкумены и Пеласгикона... И я не смог покорить свой мир, дабы ради нашей любви сразу же от него отказаться. Это так! Но, если такой человек или даже Бог, существует, я его все же найду! И, если потребуется, то силой заставлю его быть мне покорным. А если нет... То тогда я просто уничтожу весь этот мир, с его Богами, жрецами и Призраками... А затем уничтожу и себя самого! Потому что без тебя, моя любимая, я не уже дальше жить не смогу! Да и не хочу этого...

— Но, — вдруг о чем-то вспомнив, чуть заметно сконфузился Царь-Диктатор, — в любом случае, для этого мне понадобится...

— Твоя непобедимая Армия, мой повелитель? — угадала его мысли и, быть может, впервые за всё время их столь для них обоих долгожданного, но не слишком радостного и жизнеутверждающего, свидания улыбнулась

девушка. — Ведь так?

— Да, пожалуй, — вымученно согласился с ней Царь-Диктатор, — это мне не помешает. Кстати, ты, кажется, говорила, что имеешь какую-то власть над этой варварской машиной? А значит...

— А значит, тебе нечего беспокоиться о судьбе твоих верных легионеров, мой Повелитель! — закончила за него его мысль Юлия. — Они все в полном порядке и с нетерпением ждут твоих приказов! И если тебе, то есть я хотела сказать, нам обоим немножко повезет, то...

Девушка не договорила.

Вместо этого её голограмма неожиданно вздрогнула, подернулась рваными сполохами разноцветных помех и в одночасье растворилась в густом и склизком сумраке варварской межзвездной машины.

Царь-Диктатор остался один. Один на один с Черным Кубом и мрачным безмолвием из искусственной слоновой кости 16, полупрозрачного стекла и серебристого металла.

«А ведь мы с Юлией не успели даже толком

16 В данном контексте речь идет о пластике (пластмассе) — Прим. авт.

попрощаться!» — было первым, что пришло на ум Нерей, как только робкая, и вместе с тем последняя, надежда на возвращение к нему любимой, пусть даже и в обличье голограммы, окончательно оставила его.

Хотя, какое теперь это могло иметь для них обоих значение?

Кто ж знал про то, что он, Бодисаттва и Царь Атлантиды, чье могущество и власть еще никем и никогда до этого момента не ставились под сомнение, окажется не в силах удержать в своих крепких руках вновь обретенное им счастье? Или даже просто, хоть чем-то, помочь своей любимой в их, теперь ставшим общим, несчастье и безутешном горе.

И всему виной какой-то дух...

Или все же жрецы? А также то, что он, Нерей, не тот, кем мог и должен был бы стать?

«Ну, это мы еще посмотрим, кто кого отправит первого к Аиду! И кто есть кто, как в этом, так и в том, не менее жестоком, мире! — пронеслось в его мозгу, подобно заклинанию. — А значит, смело в бой, атлант! Ты должен победить! Иначе... Иначе просто быть не может!»

С этими жизнеутверждающими мыслями, от которых он уже не мог ни спрятаться, ни скрыться, Царь-Диктатор и покинул чрево ставшей для него в мгновения ока ненавистной варварской машины.

Глава третья

На вражеской земле...

Нерей не знал точно, сколько именно он провел времени на борту «железного» чудовища тирренов, беседуя со своей такой желанной, но и, увы! несбывшейся, мечтой.

Но, судя по тому, что Солнце уже давно было в зените, а раскаленный воздух ойкуменской пустыни нещадно сдавливал горло и парализовывал и без того предательски обмякшие в сознании мысли, был полдень.

Ойкуменцев нигде не было видно. Их наспех разбитый полевой лагерь казался вымершим и навсегда покинутым своими обитателями.

«Должно быть, — предположил Нерей, — они, обнаружив поутру моё исчезновение, либо поспешили пуститься в обратный путь к своему вульгарному «вождю»... Либо, прячась от невыносимой жары и зноя, поглубже забились в свои душные палатки и, как всегда, развлекаются тем, что меняются друг с другом разноцветными бумажками, которые они называю картами?»

— Что ж, теперь вы мне уже особо-то и не нужны. Так что, делайте что хотите! — раздраженно, но на удивление беззлобно, буркнул он уже вполголоса в адрес своих невесть куда

запропастившихся спутников и, в нетерпении, искал глазами то, ради чего собственно, он здесь и находился.

Между тем и как ни странно, межзвездная «машина» варваров пребывала на своем привычном месте.

Более того, она опустилась еще ниже к выжженной беспощадным Солнцем Ойкумены земле, окуталась густыми клубами пара и методично, с интервалом в две-три секунды выплевывала из своего чрева на песок саркофаги-параллелепипеды с телами атлантских воинов — в полном боевом снаряжении и в привычных для Нероя орихалковых доспехах.

А значит, Юлия все же сдержала свое обещание и заставила «машину» избавиться от не принадлежащего ей груза.

Царь-Диктатор облегченно выдохнул и твердой походкой направился к своей «растущей» штабелями прямо на глазах армии.

Очень скоро к его неопишуемой радости и удовлетворению до его ушей донесся долгожданное, теперь уже на казавшееся ему таким занудным, визжание боевых горнов, приглушенный звон орихалковых доспехов, зычная перебранка сотников и преданных Диктатору-Царю центурионов и легатов.

— Я рад тебя приветствовать на вражеской

земле, благородный Царь! — неожиданно окликнул Царя-Диктатора со спины голос, до боли ему знакомый и, вместе с тем, не имевший ни малейшего права на существование.

Нерей побледнел, но все же, сумел подавить на своем лице предательские смятение и растерянность.

— Я тоже рад тебя снова видеть, благородный Тритон, — невозмутимо и даже с некоторым оттенком сарказма в голосе ответил он на столь вальяжное и не слишком почтительное приветствие Жреца. Как если бы там, в далекой Атлантиде, между ними ровным счетом ничего не случилось, и выпущенные из луков личных телохранителей Нерей стрелы так никогда и не достигли сердца и печени презренного служителя культа Сумрачного Солнца. — Мне тебя в последнее время очень даже не хватало!

— Извини, благородный Царь-Диктатор, но при нашей последней встрече мне вдруг показалась, что моя компания тебе несколько наскучила? — между тем, вкрадчивым голосом произнес Тритон, на всякий случай стараясь держаться от Диктатора-Царя на безопасном расстоянии.

— Тебе это только показалось, Жрец! — нарочито спокойным и равнодушным тоном соврал ему в ответ Нерей, в душе проклиная себя за то, что принял прошлое «чудесное» воскрешение жреца на

берегу «незнакомого моря» всего лишь за плод своего воспаленного воображения. — И я действительно искренне рад нашей новой встрече, Тритон.

— Ваш меч, Царь-Диктатор! — между тем спас положение Царский Адъютант, почтительно прервав их «мирную» с Жрецом беседу и с нескрываемым благоговением протягивая Нерейу символ Диктаторской власти. — Он в полном порядке! Хотя, как мне кажется, и соскучился по свежей крови!

— Да, да, благодарю, — холодно поблагодарил его за службу Нерей, переключая все свое внимание на спешащих к нему доложиться легатов.

— Немедленно разбивайте лагерь, — одним лишь властным жестом остудив их служебное рвение и неуместный восторг от долгожданной встречи со своим командиром, приказал им Нерей. — И пусть жрецы готовят...

Царь-Диктатор запнулся на полуслове и подозрительно покосился в сторону Жреца, всё ещё ровным счетом ничего не подозревавшего о недавно произошедших кардинальных изменениях в душе и намерениях своего господина и Диктатора Армии Непобедимых.

Чего уж тут греха таить, Нерей уже не был так же твердо, как в последний день и час их со жрецом

пребывания в Атлантиде, уверен в том, стоит ли ему и дальше доверять Тритону? Тем более, что интуиция, назовем её так, Бодисаттвы настойчиво и, чуть ли не крича, ему подсказывала то, что Жрецу уж очень скоро вновь предстоит отправиться к Аиду... И на этот раз уж точно навсегда!

— Воду и провиант вы найдете вон в тех варварских палатках. Их обитателей, если таковые там окажутся, пока пощадить. Если понадобится, то мы расправимся с ними позже! И без особого труда! — все же решил не торопить события, скрепил своё сердце и в присутствии уже приговоренного к неминуемой смерти Жреца продолжил отдавать распоряжения своим легатам Царь-Диктатор. — Да еще, про боевую конницу и колесницы нам всем, увы! пока придется позабыть. Будем воевать в пешем строю. Это приказ! Я понимаю, что вы все смертельно устали от длительного «звездного» марша! Поэтому, даю всем сутки на отдых и приведение своего оружия в надлежащий порядок. Завтра вечером выступаем. Выполнять!

— А ты, жрец, — обратился Нерей уже к Тритону, сразу же, как только верные ему легаты со всех ног бросились исполнять его приказы и распоряжения, — займись-ка местными аборигенами Ойкумены. Теми, что прибыли сюда со мной и провиантом. Я хочу знать про них все!

Ты жрец и знаешь, как этого добиться. Не мне, Царю, тебя этому учить. Выверни их всех наизнанку, выведай их все, даже самые потаенные, мысли. Я хочу, чтобы до того, как они снова увидят своего вождя, они уже служили только мне и интересам Атлантиды! Ну а потом, когда они уже не будут представлять для нас ни малейшего интереса, ты...

— Я тебя понял, благородный Царь, — многозначительно улыбнулся ему в ответ Тритон и в его глазах сверкнул зловещий огонек. — Я знаю что делать — и сейчас, и... потом. Доверься мне, Диктатор, и ни один из ойкуменцев уже никогда не поднимет на тебя не только руку, но даже дерзкий или непокорный взгляд. Ну а потом... А потом мы принесем их всех в жертву Посейдону! Как велит наш древний обычай и Заповеди предков!

Жрец вежливо откланялся и вслед за легатами быстрым и уверенным шагом направился к палаткам дикарей.

Оставшись один, Царь-Диктатор бросил свой надменный взгляд на сверхъестественно синее небо Ойкумены, его безжалостное и слишком уж яркое для атлантских глаз Золотое Солнце, мрачные остроги гор и вездесущий серый песок.

Раньше он представлял Родину своих предков совсем по-другому.

Доброй и нежной. Как его мать.

Строгой и не терпящей хаоса и беспорядка.
Как его отец.

Чарующей своей грацией и совершенством, и потому всегда для него желанной. Как его Юлия...

Но теперь перед ним была мертвая пустыня, голые скалы, безжизненные руины навсегда покинутых своими жителями городов.

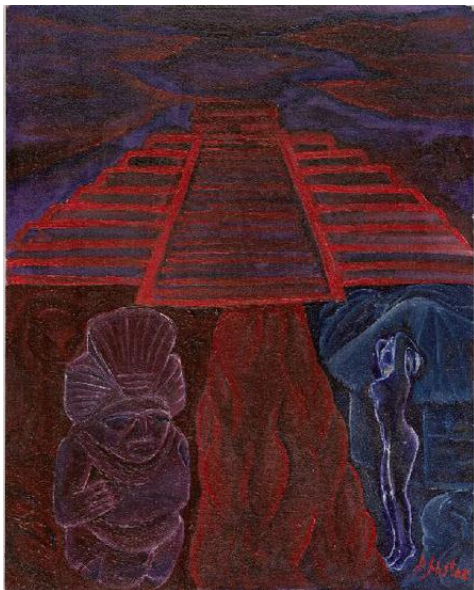
И, они — эти жалкие и никчемные потомки некогда гордого, пусть даже и враждебного Атлантиде, народа — грязные, оборванные и зловонные дикари!

Царь-Диктатор пришел в этот мир, дабы его покорить — силой своего грозного оружия, отвагой и доблестью непобедимых атлантских воинов, мудростью и коварством жрецов.

Но покорять-то ему было пока что нечего и особо некого!

Вдобавок, все ещё неизвестно было, кому именно мстить...

Но, и что самое главное, он, Царь-Диктатор Атлантиды, уже успел весь этот мир Ойкумены искренне и бесповоротно возненавидеть! Вплоть до того, что уже толком даже не знал, что именно он собирается делать со своей неминуемой над ним Победой?!

Часть Вторая

День мертвых (Dia de los Muertos) 17

¹⁷ «День мертвых» (исп. — *Día de los Muertos*, *Día de Muertos*) — мексиканский обычай ежегодного поминания усопших (31 октября — 2 ноября). Кроме самой Мексики (где этот день является выходным) праздник также отмечают в Гватемале, Гондурасе и Сальвадоре.

По поверью, в эти дни души умерших родственников посещают родной дом. Многие из тех, кто отмечает этот праздник верят, что в День мертвых души умерших могут

посетить живых родственников и друзей. Как говорил Октавио Пас: «Мексиканец близко знаком со смертью, шутит о ней, ласкает ее, спит с ней, празднует ее».

Происхождение праздника. День мертвых стали отмечать на территории современной Мексики ещё древние народы, такие как ольмеки и майя. По мнению ученых, ритуалы, связанные с почитанием умерших отмечались ещё 2500–3000 лет назад. В период до испанской колонизации местные жители часто держали в домах настоящие черепа умерших — как своеобразную семейную реликвию, их часто демонстрировали во время различных ритуалов, они должны были символизировать смерть и воскрешение.

Во времена империи ацтеков праздник, похожий на День мертвых, отмечался в девятый месяц ацтекского календаря, который приходится на современный август. Ацтеки праздновали этот праздник целый месяц, во время которого почиталась богиня Миктлансиуатль — богиня смерти. Ей приносили дары и сооружали стены с изображением черепов — тсомпантли. В современной мифологии этой богини соответствует символ Катрины. В настоящее время — празднование «дней мертвых» сокращены до трех дней (31 октября, 1 ноября и 2 ноября). При этом 31 октября и 1 ноября почитают умерших детей и младенцев, который ещё называют Днем ангелочков (исп. *Día de los Angelitos*). Как правило, к празднику готовятся на протяжении целого года, когда понемногу собирают вещи, которые должны быть на алтаре умершего. В День ангелочков мексиканцы приносят на могилы детей игрушки и сладости. 2 ноября, в День умерших (исп. *Día de los Difuntos*) почитают всех взрослых мертвецов. Для взрослых мексиканцы чаще всего приносят на их могилу текилу, пиво и другие алкогольные напитки.

По современной традиции на праздник люди делают

Глава четвертая

Бывший Жрец, а ныне — скиталец и раб...

Идти пешком, заведомо рискуя нарваться на блок-посты и «самоходные» дозоры ойкуменцев, могло показаться непростительной глупостью и легкомыслием со стороны разведчика-жреца, но

частные алтари, называемые ofrendas, в честь умершего с использованием черепов из сахара, вербены, цветов календулы и любимых блюд и напитков умерших. Очень часто в украшениях на могилах используют специальные цветы — оранжевые бархатцы, которые по поверьям притягивают души умерших. В Мексике эти цветы называются «Цветы мертвых» (исп. Flor de Muerto). Все это в качестве подарков приносят на могилы умершим. Также на могилы могут приноситься личные вещи умершего.

В свою очередь, дороги к домам умерших их родственники заставляют свечами, чтобы покойник мог найти дорогу домой. Иногда празднования приобретают весёлую окраску, когда родственники умерших вспоминают у надгробия смешные или веселые факты из жизни умершего. Все это делается для того, чтобы побудить душу усопшего посетить живых.

В эти дни так же устраивается карнавал, готовятся сладости в виде черепов, делаются специальные фигурки одетых женских скелетов — Катрина, то есть модница, франтиха (исп. La Calavera delaCatrina) .

каяться в своих грехах пред Посейдоном Тритон особо не спешил. И дело было не в его вальяжной спеси, но в том, что окружавшая его сейчас действительность была совсем не той, как её себе до этого наивно представляли пославшие сюда Жреца и армию Диктатора Цари.

Все началось с того, что, получив приказ Диктатора-Царя, Жрец решил использовать свой самый ценный дар...

Но, не тут-то было! Сколько он не пыжился и не пытался сконцентрировать свою Волю и Силу в кулак, никакого его мгновенного перемещения в пространстве так и не случилось.

Жрец повторил попытку...

Результат был тем же: он был по-прежнему в палатке штаба, и перед ним стоял Диктатор!

«Как же так?» — Тритон был явно не готов к столь сокрушительному низвержению с Олимпа!

Ведь он уже давно успел привыкнуть ко всем своим божественным «дарам». К тому, что может запросто менять личину; читать чужие мысли, словно на духу ¹⁸; одной лишь силой воли перемещаться на любые расстояния, зреть ¹⁹ в

¹⁸ «На духу» (устар.) — на исповеди.

¹⁹ «Зреть» (устар.) — видеть, смотреть (Пример, расхожее «зреть в корень»).

будущее и, главное, при всё при этом не испытывать бессмысленных эмоций... Короче говоря, быть истинным атлантом, чей жизни «путь» всегда был в экстрасенсорном развитии самого себя.

«— Может, всему виной слишком яркий свет? Испепеляющее, а не ласкающее, кожу Солнце? Или его загадочный ночной двойник, который варвары с благоговением называли «спутником» — Луною?» — сколько бы не пытался Жрец Тритон, но все одно не находил ответа. И это несмотря на то, что знал о сути мироздания, куда уж более самого Верховного Жреца.

Предательски бледнея, Жрец поспешил откланяться и сделать вид, что все идет по плану. Хотя, лично у него уже не было никаких сомнений в том, что в этом мире Ойкумены, в отличие от Атлантиды Сумрачного Солнца, ни он, ни кто-либо другой из прибывших сюда атлантов, уже не всемогущий «господин».

Но вместе с тем Жрец посчитал лично для себя небезопасным, вот так сразу вводить в курс дела Диктатора-Царя. Потому как знал, что может и должно случиться дальше: сначала паника, затем — разгоряченный спор легатов, и, наконец, приказ Диктатора: «Всеобщий сбор! Мы возвращаемся

обратно в Атлантиду!»

Что ж, жизнеутверждающая перспектива! Само собой, для врагов, но не для армии атлантов... И, уж конечно, не для ее жреца Тритона! Так как для последнего все это означало — ни много ни мало, но заведомо положить свою голову на плаху известного своей бескомпромиссностью Верховного Жреца.

Тритон недовольно поморщился: с того момента, как он расстался с Царем-Диктатором, в одночасье стал банальным «смертным» и его сознание заполнили неподдельное смятение и страх, уже минуло более пяти десятков местных «лун». Всё это время Жрец, проделав первую часть пути на варварской «повозке»- «хамере» аборигенов, упрямо и традиционно для атлантов — строго по побережью — всё дальше и дальше продвигался сначала на запад, а потом и на юг, местного, весьма изрезанного бесчисленными бухтами и устьями рек, континента ²⁰. Затем дорогу ему неожиданно преградили горы, и, продолжая следовать по испокон веков

²⁰ Здесь речь идет о путешествии Жреца по берегу Мексиканского залива — с востока на запад. То есть, от мыса Канаверал во Флориде к совр. Северной Мексике — Прим. авт.

проторенным варварами «тропам», которые ойкуменцы почему-то называли «шоссе» и «магистрали», Жрец был вынужден покинуть побережье и, больше руководствуясь своей интуицией, чем трезвой логикой и здравым смыслом, направить свои стопы вглубь материка.

Вдобавок, близился очередной рассвет, и волей Посейдона оказавшийся с момента прибытия в Ойкумену в «шкуре» беззащитной божьей тварью Жрец уже заведомо страдал и изнывал от духоты и жажды. Не говоря уже про всё возрастающее опасение — быть при свете дня немедленно плененным стражей и солдатами самопровозглашенных «касиков» Астлана ²¹ ,

²¹ *Астлан или Ацтлан (ацт. — аст. Aztlān — дословно — «Место, где живут цапли») — самоназвание своей Родины ацтеками, впоследствии распространенное на все покоренные ими земли. Первоначально же — мифическая местность, расположенная в лагуне побережья Найярита (запад Мексики, современный штат NAYARIT), где до сих пор существует селение под названием Астлан. На языке науатль слово «Azteca» означает «люди из Ацтлана». Первоначально ацтеки, как и другие народы науа (хочимилька, тлахуика, акольхуа, тахасалан тлакскалан, тепанека и чалька), считали своей прародиной Чикомосток («место семи пещер») — страну, находившуюся где-то на северо-западе от долины Мехико. Миф об Ацтлане, который по легенде ацтеки покинули лишь в 1164 году, возник после образования у ацтеков собственного государства. В сказаниях Ацтлан*

которых даже нечаянный союзник атлантов Рикки Карлос считал неуправляемыми «дикарями» и своими непримиримыми врагами.

— Не может быть! — Жрец неожиданно споткнулся: возникший перед ним в лучах зардевшейся зари пейзаж вызывающе диссонировал со всем тем, что разведчик атлантов уже успел увидеть в Ойкумене ранее...

Но самое невероятное заключалось в том, что он, пейзаж, был Тритону до боли знаком!

описывается как остров посреди большого озера, расположенный по ту сторону долгой дороги во тьме и холоде. Некоторые легенды говорят об Ацтлане как о рае, другие (кодекс Обена) утверждают, что там ацтеки являлись рабами тиранической элиты под названием Ацтека-Чикомостока. Ведомые своим священником, ацтеки бежали и по пути их бог Уицилопочтли запретил называться ацтеками, сказав, что они должны называть себя мешика. В 1887 году мексиканский антрополог Альфредо Чаверо предположил, что Ацтлан находится на берегу Тихого океана в штате Наярит. Хотя эта точка зрения была оспорена его современниками, она получила некоторое признание. В начале 1980-х годов мексиканский президент Хосе Лопес Портильо-и-Пачеко заявил, что настоящим местоположением Ацтлана был остров Мескальтитан, также расположенный в Наярите, однако это оценивается историками как политический ход. Но всё равно штат Наярит включил символ Ацтлана в свой герб с легендой «Наярит, колыбель мексиканцев».

Каменные подиумы, крутые лестницы, отвесные «ограды», «ягуары», «змеи», зеркальный блеск булыжной мостовой Дороги Церемоний 22 Мишкоатли.

— Не может быть! — капля пота томно заскользила и сорвалась со щеки Жреца. Он искренне не верил ни тому, *что* видел, ни тому... *Когда и где!*

Ведь перед ним была *чужая* Ойкумена, а не его *родной* Пеласгикон!

«Должно быть, это просто сон? А то и фантом, порожденный смутой в недрах моего сознания!» — Жрец лукавил, притом, не перед кем-нибудь, но пред самим собой. Потому как, персты богов — «якато»²³ — уже попали в поле его зрения, и, судя по густым, невысказанным для мира Сумрачного Солнца, контурам теней, существовали они не в его воображении, но однозначно наяву.

Сердце Жреца бешено забилося, и он до крови прикусил губу:

«Неужто, варвары раскрыли тайну Куба и ему подвластных пирамид? Если так, то это в корне всё

22 *Дорога Мёртвых (Calzada de los Muertos) в Теотиуакане, которую ацтеки называли Мишкоатли.*

23 «Якато» (майя) — ступенчатая пирамида

меняет... И нам, атлантам, этот мир уже не покорить?!»

«Да, но почему их, пирамид, здесь только две, а не три, как требует того закон атлантов? — сие открытие позволило Тритону побороть растерянность и волевым рывком прийти в себя.

Пирамид и вправду было только две: «Большая» — Солнца ²⁴ — для Царей, и «Малая» — Владыки Посейдона ²⁵ — для плебеев. Первая

²⁴ *Пирамида Солнца (la Piramide del Sol) — крупнейшее здание города Теотиуакан и одно из самых больших в Мезоамерике. Располагается между пирамидой Луны и Цитаделью в тени массивной горы Серро-Гордо, является частью большого храмового комплекса. Высота пирамиды 64,01 метра (200 футов).*

²⁵ *Пирамида Посейдона — на самом деле эта Мексиканская пирамида называется «Пирамидой Луны». Но в мире Атлантиды Сумрачного Солнца не было Луны, так как при обмене (в результате катастрофы) гравитационными массами между двумя планетами-антиподами — Землей (нашей) и Геей (атлантов) Земля приобрела спутник — Луну, в то время как в мир Геи переместилась эквивалентная Луне по массе Атлантида. Таким образом закон сохранения материи во Вселенной был соблюден: «ничто не исчезает бесследно и не возникает из ничего, но лишь меняет свои пространственные координаты!»). Что же касается Пирамиды Луны — то это — второе по размеру строение после пирамиды Солнца в городе Теотиуакан. Одно из самых*

— дарила повелителям неограниченную власть, вторая — невидимыми чарами Морфея ²⁶ и

больших зданий в Месоамерике. Расположена в северной части города Теотиуакан, своими контурами повторяет Серро-Гордо. С некоторых индейских наречий название переводилось как «защитный камень» или «мать». Под пирамидой Луны расположено ещё одно строение, которое старше Пирамиды Солнца (существовавшего уже до 200 года н. э.). Пирамида Луны была построена между 200 и 450 годом н. э., завершив двустороннюю симметрию храмового комплекса. Лестница пирамиды ведёт к Дороге Мёртвых (Calzada de los Muertos), на вершине располагается площадка, использовавшаяся для ритуальных церемоний в честь Чальчиутликуэ, богини воды и Луны.

²⁶ Морфей (др. — греч. Μορφεύς — «формирователь», «тот, кто формирует [сны]») — бог сновидений в греческой мифологии. Его отцом является Гипнос — бог сна. По одной из версий, его матерью была Аглая, дочь Зевса и Эвриномы, одна из трех граций, спутниц Афродиты, имя которой в дословном переводе означает «Ясная». По другой — Нюкта, богиня ночи. Морфей может принимать любую форму и являться людям во сне. Он умеет абсолютно точно подражать голосу и стилю речи человека, которого изображает. Греки почти всегда изображали его в виде стройного юноши с небольшими крылышками на висках, однако на некоторых памятниках искусства он представляется в образе бородатого старца с цветком мака в руке. Морфей обязан следить за снами царей и героев. Главная эмблема Морфея — сдвоенные ворота в мир сновидений. Это — ворота из слоновой кости для лживых

снов и роговые ворота для снов истинных. Из символики и атрибутики бога всегда особо выделяют чѣрный цвет (как цвет ночи и забытья) и цветы мака. Морфея зачастую изображали в чѣрной одежде с рассеянными по ней серебряными звѣздами. В руках он держал кубок с маковым соком, обладающим расслабляющим, обволакивающим снотворным действием. Иногда считается, что он носит на голове корону из цветков мака, что символизирует сновидения. Греки обычно изображали его на вазах, а римляне — на саркофагах. Овидий, рисуя пещеру Гипноса в Киммерийской земле, среди сонма сыновей этого бога выделяет трѣх: Морфея, подражающего людям, и его братьев, Фобетора и Фантаса, подражающих животным и явлениям природы:

«Повелитель Сна был отцом тысячи сыновей, целого племени, но из всех их он выделял Морфея, который умел принимать облик любого человеческого существа по своему желанию. Никакой Сон не мог состязаться с ним в артистизме подделываться под облик людей: его голос, его походка, его лицо были в точности подобны оригиналу; кроме того, он точно повторял их одежды и часто выходил в мир — «Метаморфозы»

²⁷ Гипно́с (др. — греч. Ὕπνος, «сон») — в греческой мифологии персонификация сна, божество сна. А так же — божество злословия, печали, старости и любовного ослепления у древних эллинов. В отличие от своего брата — близнеца Таната, приносящего смертным жестокое, вечное усыпление, приносил также людям и богам спокойный сон и отдых от дневных трудов и забот. Гипнос — сын Нюкты и Эреба. Брат Танатоса, Керы, мойр (по Гесиоду), Немезиды,

навязчиво вселяла покорность и смирение в народ.

При этом, точно так же, как и в Атлантиде Сумрачного Солнца, Пирамида Царей и Эвпатридов ²⁸ представляла собой приземистый кирпично-булыжный многогранник с плоской, усеченной вершиной, высотой около двух плетров

Эриды, Харона и других детей Нюкты. Гипнос спокоен, тих и благосклонен к людям. По Гесиоду, Гипнос живёт на краю мира, и на него никогда не взирает Солнце-Гелиос. У Гомера он обитает на острове Лемнос, выступает как вестник Зевса. Овидий в «Метаморфозах» описывает пещеру в Киммерийской земле, где обитает Гипнос, где царят вечные сумерки и откуда вытекает родник забвения; в пещере на прекрасном ложе покоится Гипнос.

²⁸ Эвпатриды, Евпатриды (др. — греч. *Εὐπατρίδαί* — *Εὖ*, «хороший, славный» и *πατήρ*, «отец» — букв. «благородные») — древнейшая аттическая аристократия, лишённая реформами Солона преимуществ перед остальными гражданами Афин (когда основой социальной стратификации стало не происхождение, а имущественное положение). Создание класса эвпатридов традиция приписывает Тесею — по преданию, он разделил общество Аттики на эвпатридов, геоморов (земледельцев) и демиургов (ремесленников). «Ведущие свой род от родоначальников полубогов-героев, тем самым идеологически обосновывающие своё право на господство». Плутарх проводит параллель между эвпатридами и римскими патрициями.

29 и длиной каждой из сторон квадратного основания чуть больше одного стадия ³⁰.

К вершине Пирамиды — некогда увенчанной расписанным изысканными фресками деревянным

²⁹ Стадий (ист.) — античная мера длины и расстояния — около 193 м, 1 Плетр = 1/6 стадия или около 32 метров. История определения точного значения стадия в международной системе единиц (СИ) связано с тем, что в программе Олимпийских игр Древней Эллады был бег на стадию. Установлено, что греческая стадия (или стадий) это длина стадиона в Олимпии — 192,27 м. Эта мера была введена в Вавилоне, а затем перешла к грекам. За стадий принимали расстояние, которое человек проходит спокойным шагом за промежуток времени от появления первого луча солнца, при его восходе, до момента, когда солнечный диск целиком окажется над горизонтом. Это время приблизительно равно двум минутам.

³⁰ На самом деле — высота Пирамиды Солнца в Теотиуакане — 64,5 метра (ровно 2 плетра или около 200 футов), представляет собой 5-ярусное сооружение с плоской вершиной, на которой стоял когда-то небольшой храм. Высота этого колосса — почти 64,5 метра, длина сторон основания 211, 207, 217 и 209 метров, общий объём — 993 тыс. кубометров. Угол наклона боковых граней 43,5 градуса. Построена на развалинах более древнего сооружения. На шестиметровой глубине под ее основанием находится естественная пещера, шириной 100 м, которая была священным местом.

храмом — традиционно вели ровно двести сорок восемь ступеней. Эта импровизированная лестница проходила последовательно через все пять ярусов пирамиды, причудливой угловатой змеей преломляясь по мере приближения к вершине. Более того, древние пеласгские архитекторы придали граням пирамиды специальный уклон, из-за которого у созерцавшего пирамиду снизу Жреца создавалось ощущение, что ступени ведут прямо к местному Солнцу.

В свою очередь, пятиярусная Пирамида Геоморов и Демиургов также была весьма похожа на её прообразы из мира Атлантиды Сумрачного Солнца.

Её высота составляла около полутора плетров, а длина каждой из сторон основания — равнялась пяти плетрам ³¹. При этом, в мире Ойкумены Малая из ритуальных пирамид, построенная, судя по всему, пеласгами на небольшом холме,

³¹ На самом деле — высота реальной мексиканской Пирамиды Луны в Теотиуакане — равна 42 метрам, а длина сторон основания — примерно 120–150 метров. Построенная на небольшом холме, она достигает почти такой же высоты, что и Пирамида Солнца, хотя в действительности на 29 метров ниже. По некоторым индейским наречиям, Пирамида Луны обозначала «мать» либо «защитный камень», который имел великую силу.

визуально казалась почти точно такой же высоты, что и Пирамида Царей и Эвпатридов, хотя в действительности на была целый плетр ниже. Что касается её главной лестницы, то она была обращена строго на юг и плавно-неразрывно перетекала в Дорогу Церемоний Мишкоатли — центральную улицу местного городка. Точнее, его жалких, давным-давно заросших бурьяном и занесенных песком, развалин...

Руководствуясь древним атлантским обычаем инициации — «возвращения к жизни святынь» — жрец поспешил воспользоваться главной лестницей Пирамиды Геоморов и Демиургов и, почтительно склонив голову и не отрывая раболепно-покорного взгляда от ступеней, не без труда поднялся на самую её вершину.

Только оказавшись на «семи ветрах» и один на один с распростертым у него прямо над головой небом, жрец, наконец, поднял свои глаза к диску Золотого Солнца. После его, непрерывно воздавая хвалебную молитву Посейдону, он резким взмахом найденного им у подножья пирамиды осколка обсидиана сделал глубокий надрез на своей левой, чуть выше запястья, руке — чтобы, как того и требовал древний обычай, окропить до этого мертвые камни благородной атлантской кровью...

Где-то через полчаса точно такой же священный обряд жрец провел и на вершине

«Малой» — Владыки Посейдона — Пирамиды. С той только лишь разницей, что к своей, зловещим ручейком пролившейся на гранит тысячелетия проспавшей святыни, жреческой крови Тритон предусмотрительно добавил и всю — без остатка — столь драгоценную для климата пустыни воду из походной фляги — как особую дань Владыке Океанов и Морей.

Только закончив оба ритуала, жрец позволил себе немного расслабиться. И с благоговением окинул взглядом сразу две, как ему вдруг показалось, уже начавших менять свой прежде грязно-серый цвет на исходно белое величие и блеск, священных пирамиды.

Уже в следующее мгновение поразительная схожесть им самолично возрожденных пирамид Ойкумены и родной ему Атлантиды не могла не обрадовать и не воодушевить Жреца, но...

Но где же третья пирамида... Жрецов? Та, что должна поддерживать в них силу их «божественных» даров? Та, что удерживает мир от полного хаоса? Та, без которой Черный Куб ³², не в состоянии чем-либо управлять?

32 «Черный Куб» — см. рассказ «Седьмая Грань Куба».